

ПАВЕЛ КОЛЬЦОВ

КАК ТЕСЕН МИР

КНИГА 3

ОТОДВИНУТАЯ

ВОЙНА

18+

Павел Кольцов

Цикл «Как тесен мир».
Книга 3. Отложенная война

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кольцов П. А.

Цикл «Как тесен мир». Книга 3. Отложенная война /
П. А. Кольцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В нескольких главах снова появляется Максимов-Нефедов. В военном и гражданском руководстве Датского королевства и в реальной истории имелись личности, желавшие дать отпор наглым тевтонам, но тогда у них это не получилось. Дания располагала довольно мощной береговой обороной, модернизированными броненосцами и кораблями поменьше. Что будет, если ее заранее приведенные в боевую готовность вооруженные силы окажут отпор брошенным на нее поначалу не таким уж и крупным силам соседей-захватчиков? А если не добьются своего все шесть групп кригсмарине, направленных на захват портов Норвегии, которой вовремя придет на помощь предупрежденный флот Великобритании? А если Румынское королевство станет союзником СССР не в 1944 г., а еще в 1940? А если не будет Зимней войны с теперь дружественной Финляндией? А если позже начавшаяся война во Франции растянется дольше, чем на год?

Содержание

1. Вечернее чаепитие.	5
2. Сбывшееся предсказание.	16
3. Новым курсом.	26
4 Не все «гнило в королевстве датском».	31
5. Негостеприимные фьорды.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Павел Кольцов

Цикл «Как тесен мир».

Книга 3. Отложенная война

1. Вечернее чаепитие.

Пока доблестная Красная Армия успешно совершала свой победный Мировлюбивый поход в соседнюю Польшу, новоиспеченный лейтенант госбезопасности Максимов Алексей Валентинович с помощью капитана этой же службы Куевды Михаила Ивановича и своей жены Клавдии, получившей звание (а чего мелочиться?) сержанта ГБ, всюду трудился над разработкой и внедрением в производство еще не изобретенного в этом времени вооружения. Наверху посчитали, что непосредственное общение Максимова с конструкторами и изобретателями, плодотворно дополняет сухое изложение им фактов на бумаге.

В середине октября 1939 г. по просьбе Алексея Валентиновича разыскали на одном из полигонов молодого конструктора-оружейника Судаева, создателя (как считается многими экспертами) лучшего пистолета-пулемета Второй мировой войны. Имени отчества его Максимов не помнил, помнил только, что Судаев относительно молод, недавно то ли окончил артиллерийскую академию, то ли в ней все еще учится и теперь, возможно, на каком-то полигоне разрабатывает то ли зенитную установку, то ли что-то с ней связанное. Нашли. Оказался тезкой: тоже Алексеем, только Ивановичем. Был он в звании военинженера 3-го ранга (капитана по-армейски), возраст имел 27 лет и сейчас действительно разрабатывал зенитную установку на одном из полигонов. Что ж. Зенитке придется подождать или поменять своего создателя.

Встретившись в уже закрепленной за ними комнате на втором этаже наружного здания с очередным оружейным специалистом, Куевда рассказал ему привычную легенду о лейтенанте ГБ (присутствующем здесь), подсмотревшем в одной иностранной державе чертежи перспективного пистолета-пулемета, и удивил оружейника поручением партии, правительства и чуть ли не самого товарища Сталина именно ему, Судаеву, заняться конструированием советского аналога, отложив в сторону все текущие работы.

Судаев внимательно изучил свою будущую примерную схему легендарного автомата, нарисованную по памяти Алексеем Валентиновичем; задал множество вопросов (на которые тот не всегда знал, что ответить) и в итоге довольно покивал головой:

– Интересное решение, прокомментировал он свое собственное детище: штамповка, сварка, минимум токарных и фрезерных операций, складной приклад, как у немцев в МП-38. Это случайно не германский образец?

– Извините, Алексей Иванович, – покачал головой Куевда, – не имеем права разглашать.

– Ах, да. Конечно. Если эта машинка получится, – постучал пальцем по схеме, – может выйти гораздо дешевле в производстве и проще, чем наш сегодняшний ППД. Я постараюсь оправдать оказанное мне высокое доверие.

– Попробуйте, – кивнул Алексей Валентинович и не к месту пошутил, приплетя анекдот из своего времени. – Ведь попытка – не пытка, как говорит наш нарком товарищ Берия.

Судаев выпрямился и посерьезнел лицом.

– Извините, Алексей Иванович, – понял, что сморозил лишнего, Максимов, – это шутка у нас такая. Согласен, грубоватая. Не переживайте, в случае неудачи, – совершенно никакого наказания вас не ожидает. Но мы совершенно уверены – у вас все получится. Именно у вас. Сроком вас никто не ограничивает, но, сами понимаете, в нынешней напряженной международной обстановке страна чрезвычайно нуждается в таком простом и массовом оружии. Очень

уж нынешний ППД сложен и дорог в производстве, да и излишне габаритен для многих случаев. Не открою государственную тайну, если скажу, что производство пистолета-пулемета товарища Дегтярева почему-то обходится советской казне дороже, чем его же ручного пулемета ДП. Нонсенс. Вы не находите?

– Я не знаком близко с этим вопросом, – неожиданно встал на сторону Дегтярева Судаев, – но, думаю, здесь сказывается не только особенность конструкции, но и гораздо меньшее серийное производство ППД чем ДП. Скажем, для производства всех деталей нужен определенный набор станков. Правильно? Станки стоят денег, и частица стоимости каждого станка закладывается в стоимость произведенной на нем детали; так называемая амортизация. Но если пистолетов-пулеметов производить гораздо меньше, чем ручных пулеметов – учитываемая в каждой детали такая частица стоимости будет гораздо выше.

– Умно говорите, – похвалил слегка ткнутый лицом в собственное невежество Алексей Валентинович. – Я рад, что мы в вас не ошиблись. Но все равно в ППД слишком много токарных и фрезерных работ, а в предлагаемой вам схеме – не порядок меньше.

– В этом я согласен, товарищ лейтенант. Извините за мое вам замечание.

– Да, товарищ Судаев, никаких извинений. Вам виднее. Я, все-таки, не конструктор-оружейник. У меня *немного* другая работа...

– Да, да. Я понимаю.

Этим же вечером, когда за круглым столом в гостиной в своем уютном казенном домике с мезонином собрались за чаем его трое нынешних постояльцев, Алексею Валентиновичу неожиданно пришла в голову очередная идея.

– Слушай, Миша, а, не знаешь, Судаев уже уехал или еще в Москве?

– А что?

– Да, ты понимаешь, появилось у меня к нему еще одно предложение, насчет конструкции пистолета-пулемета. Только сейчас вспомнил. Как озарение нашло.

– Сейчас узнаю, – ответил Куевда и неторопливо поднялся из-за стола. Подошел к резной тумбочке с телефоном и поднял трубку. Поклацал пальцем по торчащим вверх рогулькам, наморщил переносицу, крутнул диск, опять поклацал. – Не работает. Странно. – Сейчас у себя проверю.

Быстро вернулся:

– Нет гудков. Алексей, идем к тебе – проверим.

Вдвоем они зашли в кабинет к Алексею Валентиновичу. Его обычный телефон не гудел. Мертво молчал и «сталинский». Творилось, как понял Алексей Валентинович, что-то неправильное.

– Возьми оружие и дополнительные магазины, – велел Куевда, – я – к персоналу. Позови к себе Клаву (ей тоже вооружиться) и выключи в своем кабинете свет, в коридоре и гостиной – пусть пока горит.

Алексей Валентинович крикнул Клаве, достал из верхнего ящика письменного стола свой штатный ТТ, а из сейфа два запасных магазина и картонную пачку патронов. Магазины и пачку рассовал по широким карманам брюк, передернул у пистолета затвор, загоняя патрон в патронник, и осторожно опустил курок на предохранительный взвод. Быстрым шагом подошла Клава.

– Пропала вся связь, – пояснил Алексей Валентинович. – Михаил встревожен. Такого быть не должно. Где твой вальтер?

– В спальне, – ответила посерьезневшая Клава. – В комод.

– Пойдем – возьмешь.

Они выключили свет в кабинете и, не включая его в спальне, пользуясь лишь проникающим освещением из коридора, забрали Клавин пистолет и запасной магазин. Патронов в пачке Куевда ей не выделял. Собственно и стреляла Клава из рук вон плохо. Несколько раз мужчины выводили ее во двор поупражняться вместе с ними из врученного ей поначалу штатного ТТ,

но у нее, несмотря на довольно статную комплекцию, никак не получалось удержать пистолет на линии прицеливания при сильной отдаче мощного маузеровского патрона. Даже при стрельбе двуручным хватом Клава не всегда попадала в лист мишени. Тогда Куевда принес ей на замену отечественному оружию иноземный гостинец: компактный германский вальтер модели ПП (полицай-пистолет). И сам элегантный пистолет был легче, и патрон им используемый, хоть и того же калибра, что у ТТ, гораздо слабее. С этим заграничным оружием, дававшим меньшую отдачу, (ставшим впоследствии родоначальником большого числа аналогичных систем) Клава управлялась не в пример лучше.

Вернулся Куевда. Он, снова зайдя в свою комнату, успел довооружиться: на ремне через плечо стволом вниз висел ППД, а на поясе, вдобавок к кобуре, – брезентовый подсумок на три секторных магазина.

– Афанасия с Татьяной, я на всякий случай отправил в мезонин с ручным пулеметом, – рассказал он.

– А что с нашей охраной в караулке? – спросил Алексей Валентинович.

– Непонятно. Вроде, все, как обычно. В окошке свет горит. Ворота на запоре. Но отсутствие всей связи меня настораживает.

– А их отсюда, кроме, как по телефону, никак не позовешь?

– Предлагаешь, выйти во двор?

– Ну, или из окна крикнуть.

– Тут палка о двух концах: если на нас действительно собираются напасть – мы своим криком покажем им, что их планы уже открыты – и они насторожатся; но если наша охрана в сторожке еще не обезврежена – мы их предупредим, а, возможно, и спасем. Там сержант и четверо караульных.

– Тоже ведь люди. Кричи, Михаил, кричи.

Но кричать не понадобилось: из окна гостиной, к которому они подошли, было видно, как на освещенный фонарями двор вышел из караулки стрелок в шинели с карабином через плечо, отвел в сторону крышку глазка на металлических воротах, посмотрел и с кем-то заговорил. Разговор и осмотр его явно удовлетворили, и он принялся неторопливо открывать ворота. За воротами показался черный капот легковой машины.

– Не нравятся мне эти поздние посетители, – сказал Михаил. – Особенно при отключенной связи. Алексей, я к ним выйду – запрешь за мной дверь на задвижку, пистолет к бою, выключишь везде свет и осторожно из-за занавески наблюдай за обстановкой. Наружу при любых обстоятельствах выходить категорически запрещаю, даже для спасения меня. И помни: твоя голова слишком важна для страны. Ты не имеешь права попасть в чужие руки. В самом крайнем случае ты обязан застрелиться.

Михаил надел фуражку; оттянул назад затвор автомата, не ставя на предохранитель и, сняв с ремня патронташ с запасными рожками, накиннул на плечи, не продевая в рукава, шинель. ППД, висевший под ней на плече толстым дырчатым стволом вниз, был теперь спереди незаметен; лишь сзади слегка топорщил шинельное сукно выступающий магазин. Еще по одному запасному магазину капитан засунул в глубокие карманы галифе; ТТ взвел и поместил обратно в кобуру, не накидывая застежку на шпенок крышки.

– Слушай, Михаил, – остановил капитана Алексей Валентинович, – а, может, тебе не выходить? Просто в доме закроемся? Отстреляемся, если что. Сам говоришь: в наружном корпусе на внеплановую стрельбу без твоего предупреждения должны отреагировать.

– Не получится, – покачал головой Михаил. – Я не хочу их близко к дому подпускать. Решетки-то на окнах есть, но если они гранату кинут или просто решат поджечь – не уберемся. На все окна нас не хватит. А так, Афанасий из мезонина пулеметом их на расстоянии, думаю, какое-то время удержит. А там и помощь должна подоспеть.

Алексей запер за Михаилом входную дверь, крикнул Клаве потушить везде свет и осторожно, слегка отведя занавеску, выглянул в окно. В освещенный двор медленно въезжала черная эмка; за воротами, которые уже принялся закрывать караульный, просматривалась еще одна машина. Из эмки вышел плечистый, вроде бы, энкавэдэшник в шинели и уверенно зашагал по направлению к дому. На полпути они встретились с Михаилом. Приезжий четко козырнул, что-то сказал, достал из командирской сумки пакет и вручил капитану. Алексей смог рассмотреть его петлицы: две шпалы – старший лейтенант госбезопасности. Куевда, якобы ему плохо видно, пошел к двери караульной, к висящему над ней яркому фонарю. По лицу старлея промелькнула недовольная гримаска, но и ему пришлось повернуть следом за ним.

Михаил явно тянул время. Он что-то говорил, не разрывая пакета, потом крикнул караульному, оставшемуся у ворот, чтобы он задвинул засов. Старлей стал спорить, даже повысил голос на старшего по званию, сказав, что незачем тратить время на ерунду. Запирать-отпирать. У него приказ: немедленно доставить сотрудника ГБ лейтенанта Максимова в Кремль. В пакете все сказано. При желании, капитану той же ГБ Куевде не возбраняется следовать вместе со своим подопечным. Места в двух машинах вполне хватит. Куевда попросил у него удостоверение – тот достал. Долго и придирчиво Михаил изучал удостоверение, потом вскрыл пакет, долго читал, зачем-то шевеля губами, как малограмотный. На требование старлея поспешить – их ждут, ответил, что ничего страшного – подождут, главное, мол, все положенные инструкции соблюсти и не ему, старшему лейтенанту госбезопасности, приказывать капитану этой же службы, когда нужно спешить, а когда – нет. Видно было, что старлей потихоньку закипал. Из задних дверей эмки вышли еще двое служивых и сосредоточенно направились к ним. Без автоматов, как сопровождавшие их в прошлый раз крепыши, а с пистолетами в застегнутых кобурах.

– Караул, в ружье! – громко закричал Куевда. Молодой охранник, уже задвинувший засов на воротах, отшатнулся вбок, сдернул с плеча карабин и потянул на себя сильными пальцами пуговку тугого предохранителя. Лапнули руками за кобуры трое чужаков. Михаил движением плеч моментально сбросил на землю шинель и поднял уже взведенный ППД.

– Руки от оружия! – громко приказал он. Чужаки застыли, но руки далеко от крышек кобур не отводили, как чего-то ждали. И дождались: шофер, остававшийся за рулем, высунул в свое приоткрытое окно левую руку с наганом. Но первым громко в вечерней тишине затакал из мезонина ручной пулемет Афанасия. Короткая кучная очередь разнесла левую часть лобового стекла и грудь так и не успевшего выстрелить шофера. Тотчас же опять полезли за своими ТТ трое незваных гостей. Михаил, стараясь не убить, с близкого расстояния прошил короткой очередью правое плечо ближайшего к нему старлея и повернул автомат в сторону левого чужака, уже поднимавшего свой пистолет. Его опередил Афанасий, очень, как оказалось, профессионально владевший ручным пулеметом – левый «гость» рухнул, отброшенный пулями на спину. Правый чужак пистолет достать успел, но мгновение промедлил, решая, в кого ему стрелять первого, и выбрал, как более для себя опасного, караульного, уже справившегося с тугим предохранителем и направившего ему в грудь свой карабин. Выстрелили они друг в друга почти одновременно – попали оба. Длинная, более тяжелая и на мгновение быстрее летящая винтовочная пуля, пронзив насквозь незваного «гостя» в середину груди, заодно и опрокинула его назад. Пуля же из его ТТ тоже прошла сквозь караульного, но через живот – служивого назад не отбросило и у него хватило сил согнуться в три погибели вперед и плавно опуститься на колени, а потом перевернуться набок и упасть на жесткую и холодную брусчатку двора.

Стукнувшись о стену, распахнулась дверь караулки и к воротам выскочили не успевшие одеть шинели двое стрелков с карабинами наизготовку и их командир с наганом; еще один караульный, по приказу командира оставшийся в помещении, распахнул небольшое окошко, выходящее во двор, и высунул в него вороненый ствол, разыскивая подходящую цель.

– Живьем брать! – закричал Куевда, имея ввиду старлея. Несколько раз раненный в плечо, устоявший на ногах старлей, преодолевая боль, все пытался достать из кобуры пистолет левой рукой (после приказа капитана караульные и Афанасий стрелять в него опасались) и это ему почти удалось, но почти. Сам Куевда коротко стрельнул ему теперь уже в правое бедро – тот упал.

Над запертыми железными воротами показались головы еще троих, очевидно ставших на крышу или капот своей машины, оставшейся на подъездной дороге. Они, едва видимые со двора, открыли частый огонь из пистолетов сквозь колючую проволоку. Рухнул с пулей в голову один из караульных; другой вместе с сержантом отпрянул ближе к кирпичному забору, под его защиту; присел на колено и пустил над воротами очередь, опустошая до конца 25-тизарядный магазин, Куевда. В очередной раз спас положение Афанасий. Его позиция была и выше над забором, и для винтовочных патронов Дегтярева-пехотного относительно тонкое железо ворот не представляло ни малейшей преграды. Он даже не старался попасть в видимые ему части тел троих противников – просто прочертил длинной очередью частый пунктир под верхним краем – и всех не ветром, а свинцом, как сдуло на землю.

Пока все уделяли внимание стреляющим над воротами, опять полез к себе в кобуру левой рукой упавший на брусчатку старлей. Ему, преодолевшему боль от нескольких ранений, все-таки удалось извлечь ТТ, похоже, уже с патроном в патроннике и курком на предохранительном взводе. Куевда его не замечал, заменяя в эту минуту опустевший автоматный магазин и глядя над воротами.

До упавшего старлея от окна, откуда наблюдал бой притаившийся в темноте Алексей Валентинович, было метров двадцать. Хоть и получил он приказ от непосредственного начальства: беречь себя и ни во что не вмешиваться; – все-таки, на всякий случай, и заранее распахнул внутреннюю половинку окна, и на наружной повернул латунную ручку вертикального шпингалета. Открыв теперь и наружную половинку, Алексей Валентинович, помня приказ Михаила не убивать врага, тщательно прицелился, держа пистолет двуручным хватом да еще и уперев на решетку, и с первого же выстрела, как в голливудском вестерне, попал в уже направленный на его начальника вражеский ТТ. ТТ отлетел в бок, старлей скривился от очередной боли теперь уже в выбитой левой кисти, а Максимов, почему-то вспомнив книгу Богомолова «В августе 44-го», еще два раза метко пальнул поверженному врагу перед самым лицом, едва не отстрелив ему кончик носа. Старлей пролет близкой смерти явно почувствовал и, чтобы не искушать судьбу, застонав, опустился на спину.

Эмка за воротами попыталась было отъехать задним ходом – опять заработал сверху пулемет, и крутить баранку стало уже не кому. Выстрелы прекратились. Наступила относительная тишина, нарушаемая лишь стонами раненых. Алексей Валентинович продолжал, выставив пистолет, наблюдать за двором. Он слышал как наверху над ним, в мезонине, лязгал железом, заменяя опустошенный пулеметный диск, Афанасий.

Куевда поднялся на ноги и кликнул к себе сержанта и двух уцелевших караульных (оставшийся в помещении тоже настороженно вышел).

– Связи и у вас нет? – спросил он.

– Нет, – товарищ капитан, – ответил старший. – Глухо.

– Афанасий! – крикнул Куевда, обернувшись к дому. – Татьяну с санитарной сумкой сюда. А вы (караульным) проверьте нападавших, кто жив – обыскать и забрать оружие и документы. Ворота пока не открывать.

Прибежала одевшаяся по причине вечерней прохлады в ватную армейскую телогрейку Татьяна, на ее боку тяжело отвисала брезентовая сумка с красным крестом. Получивший пулю в голову молодой караульный уже не дышал; раненый в живот был в сознании – Татьяна довольно опытно, как на взгляд следившего за ней Алексея Валентиновича, задрала ему гимнастерку, нательное белье и наложила повязку.

Среди нападавших по эту сторону забора убиты оказались двое, и оба Афанасием: водитель и «левый». «Правый», простреленный в грудь из карабина караульным, еще дышал, хрипя выступающей на губах розовой пеной, и даже был в сознании. Вполне себе живой, хоть и продырявленный в нескольких местах, был и старлей, или кто он там в действительности. Раненого в живот караульного двое его сослуживцев осторожно перенесли к себе в теплую сторожку, а Татьяна под присмотром сержанта с наганом в руке, перевязала сперва старлея, а потом и «правого».

Неожиданно длинной очередью снова нарушил тишину ручной пулемет в мезонине.

– Этого в караулку, – скомандовал Куевда, указав автоматом на старлея. – И не отлучаться от него. Быстро!

Сержант ГБ и один из караульных подхватили взывшего от боли в потревоженных ранах и матерящегося «гостя» под мышки и просто волоком потащили его с волочащимися по неровной брусчатке ногами в сторожку; следом за ними зашла и Татьяна. Второй караульный нервно сжимал руками свое оружие и беспокойно поглядывал то на капитана, то на оставшегося лежать на земле перевязанного «правого». Куевда повернулся к дому.

– Что там? – крикнул Афанасию между его очередями.

– По тропинке от наружного корпуса еще группа подбежала, – громко ответил он. – Я их просто уложил, стрелял под ноги. Они рассыпались вдоль дороги и залегли. Мне пока не отвечали.

– Правильно, – одобрил капитан. – Думаю, услышав нашу пальбу и не сумев с нами связаться, из наружного корпуса выслали тревожную группу.

Куевда подошел к самому забору и громко закричал вверх:

– Говорит капитан Куевда. Кто у вас старший? Отзовитесь!

– Лейтенант Веретенников, – через время донесся ответ из-за деревьев.

– Афанасий (повернувшись в сторону дома), ты его в лицо знаешь?

– Да, – глухо подтвердил Афанасий.

– Лейтенант, – продолжал Куевда, – выйди на свет, чтобы мы в тебе уверились, стрелять не будем. Афанасий (опять в сторону дома), крикнешь, как выйдет.

– Он это, – подтвердил Афанасий. – Веретенников.

– Хорошо, лейтенант. Теперь слушай. На наш объект совершено нападение. Во дворе мы от них отбились. Что с твоей стороны? Живые возле машины есть?

– Двое на земле стонут. Третий и шофер в машине не двигаются, – ответил через время лейтенант.

– Ладно. Прикажи своим бойцам оставаться на месте и следить за чужими. Не давайте им встать, но к ним не подходите. Не знаешь, сколько машин на территорию заехало?

– Две.

– Одна у нас во дворе, вторая с твоей стороны. А на улице их никто не ждет?

– Еще была машина. Третья.

– Бегом отправь бойца с приказом: задержать! Постараться брать живьем. У вас связь с городом есть?

– Пропала. Пытаются исправить.

– Передай, пусть немедленно пошлют кого-нибудь хоть в ближайший соседний дом, хоть в телефонную будку. Пусть позвонят на Лубянку в иностранный отдел майору Колодяжному. И расскажут о нападении на наш объект. Не дозвонятся до Колодяжного – пусть сообщат товарищу Берии. Действуй, лейтенант. Тебя и твоих бойцов я пока близко к нам подпустить не могу. Ждите прибытия группы из центра.

– Опасаетесь, товарищ капитан, что и я с ними?

– Не могу до конца исключить такую возможность. Сам понимаешь. Подождем. Разберемся.

Сержант, уже надевший шинель, вышел во двор и передал Куевде изъятые у мертвых и раненых «гостей» удостоверения. Капитан зашел в караулку, сел за стол и внимательно изучил при ярком свете лампы. На первый взгляд документы не фальшивые. Все действительно служат в Главном управлении госбезопасности НКВД во 2-ом отделе (секретно-политическом). Приказ на сопровождение группой ст. лейтенанта ГБ Филимонова содержащегося под охраной на объекте № 48 лейтенанта ГБ Максимова в Кремль к товарищу Сталину подписан начальником этого же отдела Федотовым, лично заверен наркомом товарищем Берией. Подписи, печать. Липа? Лаврентий Павлович мог и гораздо проще Максимова к себе вызвать и что угодно с ним сотворить.

– Ну, товарищ Филимонов, если это твоя настоящая фамилия, – обратился Куевда к раненому, уложенному на топчан, – от кого приказ получил Максимова забрать? (Тот молчал). Ладно. Для начала скажи – это твое настоящее удостоверение? Группа с Лубянки скоро будет здесь. И они вас заберут. Проверить тебя – полпраза плюнуть. Мне просто интересно, пока группа едет, хочу любопытство свое удовлетворить.

– И фамилия и звание настоящие, – соизволил ответить старлей. – Я просто выполнял приказ. Мне приказали забрать Максимова и при необходимости применить для этого силу. А что и зачем – это не ко мне.

– Федотов приказал?

– Не знаю. Мне это было поручено моим непосредственным начальником майором Кулешовым. И мои сотрудники только выполняли мой приказ. И те, что во дворе, и те, что за забором остались.

– Хочешь сказать, – что мы зря хороших парней, просто выполнявших приказ, постреляли? (Старлей пожал плечами и поморщился от боли). Так вы первыми начали. И у меня один убит, а другой в живот ранен. А куда вы Максимова должны были отвезти? Ведь не в Кремль же к товарищу Сталину. Говори, говори, не стесняйся. Не мне сейчас, так следователям позже на родной Лубянке скажешь. Их методы допроса тебе ведь, уверен, хорошо знакомы. И даже после речи товарища Сталина, в таких вот сложных вопросах, как у нас, думаю, они не изменились.

– Не в Кремль, – решил покориться неизбежному старлей.

– А куда? Да не тяни ты резину. Каждое слово из тебя вытряхивать приходится.

– На наш объект.

– Ну, говори дальше. Его номер, адрес. Смотри, у тех, кто тебя послал, песенка считай, что спета. Они выступили и против Берии, и против Сталина. Если ты в этом деле участвовал, просто выполняя преступные приказы своего руководства и не понимая их сути, тебя еще можно спасти. И сделать это можем только мы. Конечно, если ты, в свою очередь, добровольно поможешь нам.

– Это все слова, капитан, просто твои слова. И чем они лучше приказов моего начальства? Может, это вы с Максимовым действуете против нашего общего наркома и товарища Сталина? Откуда я знаю? Я лучше пока помолчу. В нашем с тобой наркомате в последнее время такое количество врагов вылушили, что мама дорогая. И на какие должности они пролезли? А? То-то же. Говоришь, скоро группа с Лубянки приедет? Вот и посмотрим, кто с этой группой приедет.

– Ладно, – согласился Куевда. Подождем.

И подождали, Алексей Валентинович засекал по часам, 32 минуты от приказания лейтенанту Веретенникову послать стрелка в наружный корпус до остановившихся за забором нескольких машин. Долго раскачивались, если бы не удалось отбиться сразу – не факт, что удержались бы.

С подоспевшей группой на трех полуторках и четырех легковых машинах под руководством незнакомого капитана приехал и майор ГБ Колодяжный. И хорошо, что его смогли опе-

ративно разыскать (он был с женой в Большом театре) и забрать с собой. Иначе капитан Куевда сомневался бы, можно ли доверять этому подкреплению. Колодяжный все его сомнения рассеял. Одна полуторка выгрузила стрелков еще на улице, а две подъехали к самому забору. В хвосте группы прибыли и три машины скорой помощи.

Куевда еще во дворе вкратце доложил ситуацию своему начальнику, завел в сторожку и показал изъятые документы и обезвреженного старлея. Вскоре на столе зазвонил телефон. Колодяжный поднял трубку: звонили из наружного корпуса – связь восстановили. Судя по тому, как ее нарушили, это сделал явно кто-то из своих. У чужих на местный узел доступа не было. Колодяжный позвонил в кабинет наркому и доложил подробности. Уже в конце разговора его громко перебил раненый старлей:

– Вы с товарищем Берией разговариваете? (Удивленный его не по чину поведением Колодяжный повернулся к нему и молча кивнул). – Дайте мне трубку, – слегка привстал на топчане, скривившись от боли, старлей. Это важно.

Объяснив Берии ситуацию и получив его разрешение, майор передал трубку раненому.

– Товарищ народный комиссар внутренних дел, говорит старший лейтенант госбезопасности Филимонов. Извините, но я должен удостовериться, что это действительно вы. Примерно недели две назад, точнее не помню, я встретился с вами на лестнице (вы спускались) и, отступая к стене, кое-что уронил. Что я уронил и что вы мне при этом сказали?

– А, это вы, – помолчав, ответил Берия. – Помню. Вы уронили несколько папок и не знали, что вам в первую очередь делать: отдавать мне честь или их собирать. Я вам посоветовал жонглированием папками заниматься в цирке и выругался по-грузински.

– Хорошо, товарищ Берия. Майору, который сейчас с вами разговаривал, я могу доверять?

– Можете. И охране объекта № 48 тоже. Кто вам дал приказ забрать Максимова.

– Лично майор Кулешов, мой непосредственный начальник. Приказал устно. Он же вручил все необходимые документы и сказал, что связи на объекте не будет. Кто ее нарушил – не знаю.

– Куда вы должны были доставить Максимова?

– Тоже не знаю. Максимова мы должны были забрать по возможности тихо – если не получится – применить оружие. После удачного выезда с Максимовым нам нужно было остановиться в конце Язьковского переулка. Там к нам должен был подойти человек в штатском, назвать пароль, выслушать отзыв и сообщить адрес, куда ехать.

– До какого времени человек должен вас ждать?

– До 23.00. Еще в запасе почти полчаса.

– Какой пароль? Отзыв? Сколько должно быть машин?

– Пароль: товарищи, папироской не угостите? Отзыв: «Памир» устроит? И протянуть в окно открытую пачку. Машин три. Их номера, думаю, этот человек знает.

– Хорошо, пока еще старший лейтенант Филимонов. Передайте трубку товарищу Колодяжному.

Колодяжный выслушал распоряжения Берии и поспешил на улицу. С двух расстрелянных эмок быстро скрутили номера и приладили их на приехавшие целые машины. Третью эмку, ожидавшую группу старлея на улице перед наружным корпусом, удалось взять почти без боя еще до приезда поддержки. В машины загрузилась группа захвата, и они умчались «угощать штатского папиросками».

Колодяжный вместе с Куевдой отправились в дом к подопечным, а капитан, командовавший приехавшей группой, занялся наведением порядка. Первым увезли на скорой помощи в госпиталь раненного в живот парнишку-караульного, следом в сопровождении охраны отправили туда же и четырех простреленных «гостей», которые, судя по всему, просто выступали пешками в преступной игре своего начальства и были в полной уверенности, что они, как

обычно, всего лишь арестовывают врага народа Максимова, затесавшегося в органы доблестной госбезопасности.

– Ну как? – поздоровавшись с Колодяжным, спросил Алексей Валентинович вернувшегося Михаила.

– Похоже, – ответил, снимая вместе с майором верхнюю одежду в прихожей, Михаил, – своя своих не познаша и постреляша. Как всегда: паны дерутся, а холопы мрут. Убит один наш караульный, другой серьезно ранен в живот; у «гостей» четверо наповал и четверо ранены. У них была еще третья машина, на улице оставляли; какие потери там – не знаю.

– Из нашего ведомства оказались «гости», – добавил Колодяжный, – из 2-го отдела, секретно-политического. Скорее всего, просто выполняли приказ своего начальства. Ладно, служба и у нас, и у них такая. Дальше пусть руководство повыше разбирается: кто эту кровавую кашу заварил. Лично товарищ нарком возглавил расследование.

– Хорошо еще, что мы заранее всполошились, – порадовался, приглаживая короткие кудрявые волосы, Кувейда. – О пропаже связи узнали. А иначе караул бы их без опаски (все бумаги в порядке) пропустил бы прямо к дому, и, кто знает, как бы все повернулось. Вовремя, однако, я звонить попробовал... Погоди, Алексей. А звонить-то я стал по твоей просьбе. Тебе Судаев срочно понадобился. Какая-то идея тебя неожиданно озарила. Так?

– Ну да, – кивнул Алексей Валентинович. – Так.

– Получается, очень вовремя тебя озарило. Везунчик ты. Да и мы вместе с тобой тоже. Что хоть за идея? Узнавать сейчас, где Судаев.

– Узнай. Может, он еще из Москвы не уехал, а, если и уехал, – пусть возвращается. Хорошая у меня идея. Хотите, товарищи командиры, – могу вкратце познакомить.

– Давайте, товарищ Максимов, – сказал, присаживаясь за круглый стол в гостиной, Колодяжный, – знакомьте, время у нас есть. Организаторов и исполнителей вашего неудавшегося похищения будут сейчас разыскивать, брать и допрашивать уже без нашего участия.

– Хорошо, – кивнул Алексей Валентинович, – расскажу. Хорошая идея: значительно размер пистолета-пулемета уменьшает. Вот дай твой ППД, Михаил. Смотрите (Алексей Валентинович взял в руки автомат, отсоединил полный магазин, проверил отсутствие патрона в патроннике и начал объяснять). В стандартном автомате затвор у нас где? Прямо за стволом. Подпирает его своим передним срезом. Вот, через окошко для выброса гильз видно. Размер затвора обусловлен его массой. Согласно не помню, какому по счету закону Ньютона действие равно противодействию. С какой силой пороховые газы выталкивают пулю из ствола, с такой же они через гильзу отталкивают обратно затвор. И, как я понимаю, пуля должна успеть вылететь наружу не позднее, чем с обратной стороны выскочит из патронника гильза, удерживаемая на своем месте только инерцией массы затвора и возвратной пружиной. Иначе часть энергии порохового заряда пропадет впустую. Это с одной стороны. С другой – длина пистолета-пулемета лимитируется, можно сказать, тремя составляющими: ствол, затвор и расстояние отката затвора назад. И короче не сделаешь. Так?

– Похоже, что так.

– А если два размера частично наложить друг на друга? Как в обычном пистолете? (Алексей Валентинович положил на белоснежную скатерть автомат и извлек из кобуры свой уже разряженный ТТ). Видите? Затвор наезжает на ствол где-то на две трети. За счет этого, сохраняя его необходимую массу, или уменьшается общая длина оружия, и оно становится компактнее, или увеличивается длина ствола, что увеличивает кучность стрельбы. Да и рукоятка управления огнем совмещается с приемником магазина. Точь-в-точь, как здесь получается (он потряс пистолетом). Только у пистолета затвор является наружной деталью, а у пистолетов-пулеметов – внутренней. Вокруг еще затворная коробка находится.

– И много у вас в будущем по такой схеме автоматов было?

– Достаточное количество. И во многих странах. Самый, по-моему, известный – израильский автомат под названием «Узи». Много лет был очень распространен. Перед ним, по-моему, первыми чехословаки такой сконструировали.

– А потом?

– А потом пошли еще дальше, но это уже, скорее не для пистолетных патронов, а для более мощных, промежуточных, когда затвор не свободный, а запирающийся и обратный ход его короткий. Приемник магазина перенесли еще дальше назад, аж за рукоятку управления огнем, в приклад. Ствол стал еще длиннее, а само оружие короче. Назвали схему «булл-пап». Кстати, у тех же чехословаков уже должно существовать многозарядное противотанковое ружье подобной конструкции; теперь оно немцам досталось.

– Но Судаеву ты пока хочешь рекомендовать первый вариант, а не этот?

– Да. Для этого, я ж говорю, нужен промежуточный патрон и запирающийся затвор. Совершенно другой класс оружия получается.

– Ладно, – кивнул Михаил. Вызову Судаева – пусть конструктор с твоими схемами сам разбирается.

Алексей Валентинович промолчал и не стал никому рассказывать ни в этот вечер, ни позже, о своем спасительном для капитана метком выстреле по направленному на него пистолету. Не захотел хвастаться. Сам Михаил такой опасный для него эпизод в горячке боя вообще не заметил.

Судаев вернулся на следующий же день, после обеда. Внимательно выслушал идею набегającego на ствол затвора и согласился подумать заодно и над такой схемой. Только, сказал он, для изготовления подобного затвора понадобится гораздо больше металлорезающих операций – возрастет и себестоимость, и металлоемкость – чтобы потом без претензий.

На следующее после горячего приема «гостей» утро Алексей Валентинович спросил у Михаила, разобрались ли кто главный организатор вчерашнего действия. Михаил ничем порадовать не смог: оперативные и следственные действия все еще продолжались. Конечный результат сам Кувейда узнал только через четыре дня и добросовестно поделился им с Алексеем.

В принципе, ничего необычного – элементарная борьба за существование. Под вояремя не сменным начальником 2-го отдела госбезопасности Федотовым зашаталось служебное кресло. Светила не столько Колыма, сколько расстрельная яма. Через своих агентов, завербованных в соседних отделах, в том числе и в иностранном, он обратил внимание на странную зависимость между появлением на объекте № 48 непонятно откуда взявшегося таинственного лейтенанта Максимова (почему-то удостоенного аудиенции сперва у наркома Берии, а потом и у самого товарища Сталина) и резкой сменой политического курса в стране. Ничтоже сумняшеся Федотов решил выкрасть этого самого Максимова, разузнать у него привычными методами, что к чему, а потом, возможно, и шантажировать этой личностью вышеперечисленных товарищей в надежде спасти свою драгоценную шкуру.

Не получилось. Сам Федотов успел застрелиться из личного коровина прямо у себя в кабинете еще в первую ночь, большинство остальных участников операции удалось взять живьем. Практически все они, особенно низовые сотрудники, были задействованы в операции совершенно втемную. Служивые просто беспрекословно и добросовестно выполняли приказы руководства и, поняв, что работали против своего наркома, с радостью валили прочих своих поделников, без всякого принуждения рассказывая подробности и называя известные им фамилии. Лишь двум сотрудникам рангом повыше, кому была в какой-то мере известна подоплека операции, удалось вовремя скрыться. *Пока* скрыться.

Как результат: увеличили охрану на объекте № 48 и внутри и снаружи, ужесточили режим. Продолжайте дальше служить Родине, товарищ Максимов, и о своем драгоценном здоровье не переживайте. Родина, в лице органов госбезопасности, за вами надежно бдит.

И успокоенный товарищ Максимов продолжил в меру своих знаний и сил и дальше служить Родине.

2. Сбывшееся предсказание.

– Из барака выйти всем! – звонко прокричал от дверей низкорослый надзиратель с нага-ном на поясе, сопровождаемый четырьмя стрелками с винтовками в руках. – Отказчиков это тоже касается!

Заключенные, и так выходящие для построения на утренний развод на работы, от его крика быстрее шевелиться не начали. В натопленном за ночь бараке было еще сравнительно тепло, а снаружи сибирская осень, могущая поспорить холодом с европейской зимой, с легкостью продирала через тощие лагерные бушлаты и разнообразную у некоторых еще сохранив-шуюся гражданскую одежку, прячущуюся под ними, почти до костей.

Бывший харьковский профессор Платон Ильич Лебедев, вальяжно и в сытном достатке проживавший еще совсем недавно вместе с женой и сыном в просторной четырехкомнатной квартире на улице Юмовской, а ныне осужденный, как «германский шпион», застегнул послед-нюю пуговицу; плотнее натянул на голову форменную черную шапку, подбитую ватой, и, засунув руки поглубже в карманы; медленно переставляя ноги, побрел в толпе аналогичных в своем большинстве «шпионов» и прочих врагов народа с небольшой прослойкой бытовиков и согласившихся работать мелких уголовников к выходу.

– Неужели и этих тунеядцев на работу погонят, – повернул к нему костлявое лицо с выбитыми на допросах передними зубами бывший полковник Забайкальского округа, а ныне такой же «германский шпион», Лисницкий, с которым Лебедев соседствовал по нарам и, в последнее время, двуручной пиле. Профессор только равнодушно пожал в ответ обвислыми плечами:

– А нам-то с тобой, Леонид Андреевич, с этого какая разница? Радоваться хоть в этой малости наступившей справедливости?

– Э, не скажи, Платон Ильич, не скажи, – покачал скуластым лицом разжалованный пол-ковник, – норму выработки нам на отряд спускают, на бригаду, учитывая в общем количе-стве работников и этот, как официально говорят лагерные начальники, «социально близкий» контингент. Так что, за наших с вами блатных отказчиков, бравирующих тем, что воровской закон запрещает им работать, плановые кубометры леса вынуждены вырабатывать именно мы с вами. Мы за них вкалываем – они за нас жрут. Не хило так жрут, как вы успели заметить. В том числе и за счет наших с вами кровных паек.

– Разговорчики! – грубо оборвал «шпионов» молодой вохровец, мимо которого они мед-ленно проходили, и замахнулся, было, окованным железом прикладом, но бить не стал, – дви-гай быстрее ходулями, доходяга беззубая, пока последние клыки не проглотил.

Подгоняемые хриплыми матюками и тычками охранников и своих бригадиров заклю-ченные постепенно выстраивались по своим бригадам и баракам в виде большой буквы «П» перед лицом небольшой группы лагерного начальства во главе с самим Хозяином, старшим лейтенантом госбезопасности (по армейской табели о рангах – майором) Востриковым. Позади начальства протянулась длинная двойная цепь стрелков с винтовками за плечами; на вышках у заборов караульные направили свои снятые с ремней трехлинейки внутрь зоны. Происходило что-то непривычное, пугающее: никогда раньше весь лагерь в обычный рабочий день вместе не выстраивали (обычно строились отдельно бараками), и столько вооруженной охраны вовнутрь не заходило, да и караульные направленными заранее в толпу стволами с вышек не пугали. Последними в общий строй конвоиры выталкивали, а иногда и выволакивали за ноги тепло под телогрейками одетых в чужое имущество уголовников, слегка зажавшихся и оборзевших от некоторой, на уровне своего барака, вседозволенности.

Вперед вышел начальник лагеря, в общем-то, невредный (по сравнению с большинством его коллег), хоть и строгий, мужик, просто на такую бесчеловечную должность вышестоящими

товарищами поставленный. Старший лейтенант ГБ Востриков и сам не зверствовал над заключенными и, по возможности, сдерживал своих особо ретивых подчиненных. Но над некоторыми писанными и неписанными законами лагерной жизни, с которыми он был внутренне не согласен, начальник все же был не властен. Востриков не мог в достатке накормить своих заключенных, получая на них продовольствие в соответствии с нормами, разработанными какими-то очень уж далекими от реалий умниками и способствующими не увеличению производительности их рабского в прямом смысле слова труда, а постепенному истощению и ослабеванию, что, наоборот, в итоге снижало ту самую вожденную выработку. С большим трудом ему удалось, не то чтобы искоренить, но в значительной степени уменьшить воровство на кухне, убрав с хлебных мест урок, но привлечь этот «социально близкий» контингент к полноценной работе, оставаясь в рамках закона и инструкций, у него до сих пор никак не получалось. Чему, в общем-то, очень способствовал и его заместитель по режиму лейтенант ГБ Сойкин, и спускаемые сверху директивы, велящие максимально гнобить политических и привечать уголовных, должных, по чьему-то бредовому видению, в скором времени чуть ли не перевоспитаться и выйти на свободу полноценными строителями социализма.

Востриков прокашлялся в кулак и без натуги, не особенно громко заговорил. Заключенные притихли, стараясь не пропустить ни слова и наконец-то уразуметь, и какие это такие изменения в их нынешней тяжелой жизни грядут: еще большее, не дай бог, закручивание гаек или, аж не верится, послабление какое-никакое последует? Уже недели две, как по зоне распространялись слухи, шедшие и от редких вольнонаемных и от нескольких сравнительно незлых конвоиров, о какой-то все с ног на голову переворачивающей речи самого главного в стране усатого пахана, непосредственно затрагивающей интересы эков, особенно 58-й статьи. Наиболее здравомыслящие политические таким слухам не верили, что они, дети, что ли, в добрые сказки верить? Но тут один из вольняшек, не очерстневший душой ссыльнопоселенец, работавший теперь (как и прежде в звании эка) в плановом отделе лагеря, совершенно бесплатно, исключительно из добрых и товарищеских побуждений, поделился с кладовщиком лагерной столовой первоисточником этих самых слухов – то самой газетой «Правдой», распечатанной в читинской типографии больше двух недель назад.

Недавно назначенный (в рамках борьбы с воровством на кухне) на хлебное место кладовщик был из уголовных, но не блатных (убил стулом, слегка не рассчитав удара, очередного хахалю своей блудливой жены). Непосредственно его речь товарища Сталина уж точно не задевала, но почему бы не порадовать товарищей? Большинство людей почему-то радуются лишь, когда что-то хорошее делают для них (а у соседа корова дохнет: мелочь, а приятно); меньшинству же наоборот – приятно доставлять радость другим. Ценную газету добросердечный кладовщик из рук не выпускал, но читать в своем присутствии давал каждому желающему, причем тоже совершенно бесплатно. При всем, очень мягко говоря, недоверии к этому печатному рупору партии, и прочитавшие неожиданную передовицу и те, кому эти прочитавшие передали ее смысл, исподволь начинали надеяться на чудо справедливости в отношении собственной горькой участи.

И чудо, очень на то похоже, начинало свершаться прямо на их глазах. Востриков негромким строгим голосом поведал вкратце в наступившей полной тишине (никто ни то, что не кашлял и не сопел, но даже не переступал замерзшими ногами, чтобы не пропустить ни полслова) об этой знаковой речи Вождя всех народов, присовокупив, что именно по его (Вострикова) приказу никто не мешал экам знакомиться с этой речью в оригинале в помещении кладовой. Так вот, повел дальше начальник лагеря, статья товарища Сталина статьей, но пока сверху не поступили конкретные распоряжения, он был лишен возможности что-либо менять в жизни заключенных. Теперь необходимые распоряжения поступили. Итак, действительно начат пересмотр дел всех осужденных по политическим статьям. Но, как все понимают, процесс этот достаточно небыстрый: слишком уж много таких дел накопилось. Но, если уж лично товарищ

Сталин убежден, что враги, подло пробравшиеся в органы НКВД, способствовали несправедливому осуждению множества невиновных советских граждан, то и ему, начальнику исправительно-трудового лагеря, грех в этом сомневаться. Вполне вероятно, что многие заключенные из этой категории будут со временем полностью или частично оправданы и освобождены. И совершенно правильно сказал товарищ Сталин в том смысле, что «пирог должен печь пирожник, а сапоги тачать сапожник». И негоже с точки зрения здравого смысла и государственной выгоды профессору или даже толковому слесарю заниматься лесоповалом. Все это так. Но пока дело каждого заключенного не пересмотрено, он будет работать и приносить пользу Родине там, где работает сейчас. НО! Пришло распоряжение, и отпущены лимиты: в полтора раза увеличить хлебную пайку и на четверть – количество остальных положенных продуктов для всех категорий норм выработки. И ощутят это граждане заключенные на себе уже прямо сегодня, за ужином. Зэки не выдержали и радостно загалдели, закричали «ура», кто-то даже залихватски засвистел. В наступившем гаме Востриков продолжил, было, говорить, но его спокойный голос не смог перекрыть все усиливающийся бедлам. Тогда он спокойно достал из кобуры наган, поднял над головой и бахнул вверх – все послушно притихли.

Начальник лагеря, пряча обратно револьвер, вежливо и по-прежнему негромко попросил заключенных не нарушать тишину, перекрикивать он никого не собирает, а сказать ему еще есть что. Он предостерег от нарушения лагерного порядка, сказал, что то, что многие из зэков скоро, возможно, выйдут на свободу, не говорит о том, что сейчас они уже *невиновные* и свободные граждане. Пока они все остаются в качестве осужденных советским судом заключенных – они обязаны беспрекословно выполнять все правила распорядка лагеря. И будет очень глупо, в первую очередь для них самих, если кто-нибудь из зэков не доживет до своей реабилитации или получит новый срок. Прошелся майор и по привилегированным блатным. Отказчиков от работы теперь в лагере не будет. И уговаривать он никого не собирает. Пришло распоряжение: кто не хочет работать – расстрелять, как совершенно не нужный стране балласт.

Востриков приказал выйти вперед вора-отказникам из первого барака – никакого движения. Подошли конвоиры бесцеремонно вытолкали вперед прикладами шестерых; еще двое упали на землю и, стойко снося удары, вставать отказывались. Лежащих, взяв за ноги, тоже выволокли вперед и просто бросили возле первой шестерки.

– Кто согласен приступить к работам – два шага вперед, – обратился к ним старший лейтенант ГБ. – Остальные будут расстреляны немедленно и прилюдно. И это не пустая угроза. Вы меня знаете.

Отказники из первого барака не шевелились. До конца начальнику не поверили.

– Начните с этих, – спокойно кивнул Востриков на двух лежащих блатных. Четыре конвоира, схватив за ноги, оттащили так и не поднявшихся блатарей в сторону. Подошли еще двое стрелков и сняли с плеч винтовки.

– Последний раз. Если вы передумали – встаньте, – опять обратился Востриков к упрямым вора-отказникам и немного подождал. – Ну что ж. Нет, так нет. Приступайте, – кивнул командиру стрелков.

– Товсья, – скомандовал стрелкам их отделенный командир и они слаженно передернули затворы. – Целься, – приложили приклады к плечам и с полутораметрового расстояния навели стволы прямо в лица лежащих на земле отказников. – Пли! – жестко хлестнул, отдаваясь эхом между бараков, сдвоенный выстрел.

Старший вор умер сразу, расслабив свое крупное тело. Более молодому харьковскому урке Митяю Бессарабу (с которым 1 сентября повстречался в темном дворе после кино Максимов-Нефедов) задравшему в последний момент голову, пуля раздробила подбородок и разорвала шею. Он еще короткое время сучил по земле ногами в добротных чужих унтах, пытаясь выгнуть спину, и напрасно царапал пальцами ворот бушлата.

– Добавь, мазила, – кивнул отделенный на недостреленного – стоящий над ним боец опять передернул затвор и добавил. Под непристойно раздробленными винтовочными пулями головами по уже промерзшей утоптанной земле растекалась, плохо впитываясь, темная парующая на холоде кровь.

Воцарилась гнетущая тишина, большинство огорошенных заключенных до последнего не верили, что этих двух упрямых блатных отказников прямо здесь и сейчас расстреляют, считали слова начальника блефом, хотя, если хорошо припомнить, Востриков никогда попусту воздух не сотрясал: если что обещал (хорошее или плохое) – исполнял всегда.

– Ваш черед, – снова обратился Востриков к сиротливо жмущейся друг к дружке выведенной вперед шестерке. – Работать согласны? Или следом за ними (кивнул острым подбородком на трупы) хотите?

Отказники продолжали молчать.

– Ваше дело, – безразлично пожал плечами начальник, – уговаривать никого не собираюсь. Продолжайте, – кивнул отделенному охраны.

Отделенный тихо скомандовал своим бойцам – они прикладами стали выпихивать вперед следующую пару отказников. До воров, наконец-то, дошло. Жить-то и им хочется.

– Будем! – истерично заверещали они. – Будем работать!

– Этих оставьте, – спокойно велел Востриков. – Как остальные? Не слышу!

– Будем, будем, – разногласно подтвердили и остальные.

– Это хорошо. Работайте. Но помните, отлынивать я не дам никому. Впредь за счет мужиков-работяг вы свою норму выполнять не будете. И не надейтесь. Внимание отказникам остальных барачков. Кто согласен работать – три шага вперед. Шагом марш!

Из задних рядов каждого барака вперед протиснулись группы блатных; на месте не остался ни один из прежних отказников.

– Хорошо, – скупой похвалил Востриков. – Сойтись к центру и построиться в колонну по три. Теперь так. Все бывшие воры-отказники, согласившиеся работать, прямо с сегодняшнего дня выделяются в отдельную бригаду и переселяются в отдельный барачок. И работать будете отдельно и жить. И контроль над вами будет отдельный. Особый контроль. Чуть что – расстреляю, как этих. Такое мне теперь право дано. И уясните: государство решило больше с вами не цацкаться. Будет государству какая-нибудь от вашего существования на этом свете польза – будете жить; не будет – не будете. Все! Отказники остаются на месте – остальные на работу.

Первые отмены приговоров по политическим статьям пришли в учетно-распределительную часть лагеря уже через месяц. Освобождались некоторые политические, отбывшие полностью свой срок, и раньше, но, так как по приговору суда большинство из них имели не только года отсидки в лагере, но и года поражения в правах, включающие в себя ссылку в эти же не столь отдаленные места, то большинство из них так и оставалось по другую сторону Уральского хребта от своих родных пенат. Сейчас стало не так: в присланных в лагерь бумагах говорилось о полной реабилитации несправедливо осужденных и приказывалось незамедлительно отпустить оправданных граждан по домам.

Начальник лагеря и здесь проявил максимально возможную человечность. По его приказу процесс освобождения начинался незамедлительно. Вплоть до того, что если бумаги приходили, когда осужденные были на работах, – на участок посылался один из конвоиров с приказом вернуть счастливицков в лагерь. Пока счастливицки чуть ли не бегом возвращались обратно, заставляя запыхаться своего конвоира, имевшего строгий приказ не издеваться над оправданными и поэтому не укладывающему их лицом вниз «за попытку побега», учетно-распределительная часть уже готовила необходимые документы. Бывшие заключенные, получив бумаги, паек на дорогу и положенное скудное количество денег, если не было попутного транспорта и особенно лютой погоды, шли в ближайший поселок, откуда можно было уже добраться

на попутках до железнодорожной станции, своими ногами. Ни часа лишнего никто не хотел оставаться в лагере.

Из двух напарников по двуручной пиле первому пришло освобождение уже не бывшему, а, согласно бумагам, восстановленному в воинском звании полковнику Лисницкому. Когда прибывший из лагеря на участок лесозаготовки молодой конвоир, в день знакового лагерного собрания, грозивший прикладом «беззубому доходяге», выкрикнул в числе прочих пятерых и его фамилию, прослезился не сам полковник, а его напарник.

– Ну, ну, Ильич, не надо, – похлопал Лисницкий по спине остающегося за проволокой Лебедева. – Сегодня на меня бумага пришла – завтра на тебя. Не расстраивайся – дождешься.

– Да, я и не расстраиваюсь, – протер рукавицей слезящиеся глаза бывший профессор. – Я чистосердечно рад за тебя, Леня. Просто расставаться с тобой жаль – привык к тебе за это короткое время. Хотя, конечно, – лагерь – не то место, где надо лишний день проводить. Обрато в армию?

– Куда Родина прикажет. Служба. Я место и раньше не выбирал. А тебя где искать, когда освободишься? Скажи домашний адрес – я запомню – напишу.

– Если моих куда не выселили, то проживать я рассчитываю по прежнему адресу (Лебедев назвал свою харьковскую прописку).

Лисницкий повторил, накрепко запоминая, и добавил:

– Знаешь, Платоша, все как-то забывал рассказать: меня на Лубянке судьба на короткое время сводила с еще одним интересным харьковчанином. Молодой такой был парень, но здоровый. Что бугай племенной. Назвался простым шофером. Сашей его звали. Фамилию не запомнил. Объяснять он ничего не захотел, что ему предьявляют. Скрытничал. Несколько дней у нас в камере побыл, и пропал. Упрямый такой парень. Я его предостерегал: следователю не сопротивляться; будут бить – терпи. А он, похоже, не послушался. Слухи у нас упорные ходили, что он в одиночку четверых гэбэшных мордovorотов, которые его *обрабатывать* собирались, к такой-то матери покалечил.

– Интересно. А я тоже в Харькове знал одного такого молодого здоровяка по имени Саша и тоже шофера. Соседа моего из коммунальной квартиры сверху так звали. Фамилия у него была довольно редкая – Нефедов.

– Точно! – улыбнулся полковник беззубыми деснами. – Вспомнил фамилию того Саши! Нефедов! Один и тот же парень, что ли?

– Вполне возможно, – кивнул бывший профессор. – Его, кстати, зачем-то одно время пытались подвязать ко мне в шпионскую группу. Потом внезапно перестали и вообще убрали даже упоминание о нем из моего дела.

– Во, как все переплетается. Не зря говорят: земля круглая, человек с человеком рано или поздно встретится. Если встретишь его – от меня привет передай. Хотя... За избивание работников органов ему, думаю, могли такое в деле написать, что скоро не выпустят, если он вообще живой. А жаль.

– Кстати, – оживился Лебедев, – этот самый Нефедов моему сыну больше года назад дорогу перешел. Представляешь? Девушку-соседку (красивая такая деваха, видная вся из себя, при фигуристом теле и добром характере) прямо из-под носа увел и женился. Нда-а... Так говоришь: один четверых избил? Х-хе! Молоток, парень. Права, наверное, соседка, что его выбрала. На такое не каждый отважится.

– Пока еще зэка Лисницкий! – прервал затянувшееся прощание молодой веселый конвоир. – На свободу с чистой совестью не спешим? Хотим в лагерь задержаться? Понравилось?

Еще через месяц, уже зимой, освободился и восстановленный комиссией во всех правах и научных званиях профессор Лебедев. Когда он без предупреждения вернулся в Харьков и,

одетый в лагерный бушлат со споротыми лоскутками с личным ненавистным номером, держа в руках потертый фибровый чемоданчик, позвонил в до боли знакомую дверь своей квартиры – ему открыла незнакомая обрюзгшая женщина, в накинута на плечи поверх замызганного халата знакомой цветастой шали его жены.

– Вам кого? – сварливым голосом спросила она, поплотнее запахиваясь от холодного воздуха подъезда.

– А я, собственно, к себе домой пришел, – вскинул щетинистый с дороги подбородок Платон Ильич. Разрешите представиться: ответственный квартиросъемщик этой квартиры профессор Лебедев. С кем имею честь?

– А-а... Вернулся, – проворчала неопрятная, пахнущая вблизи потом толстуха. – Еще одного выпустили. Нет от вас покоя честным гражданам. Только вы теперь никакой не ответственный квартиросъемщик. Старший теперь по квартире, что б вы знали, мой муж, Гундякин Константин Иванович.

– Уважаемая гражданка, как я понимаю, Гундякина, может, вы отодвинетесь от дверного проема и дадите мне пройти?

– Куда пройти? – нерушимо стояла Карацупой на границе(хоть и без положенной собаки) глыбообразная Гундякина.

– К себе, конечно, – терпеливо говорил Лебедев. – Пусть даже, как вы уверяете, я уже и не ответственный квартиросъемщик, но в этой квартире должны проживать моя жена и сын. Так?

– Так, – согласилась Гундякина. – Проживают они в одной комнате. Но сейчас у них никого нет дома. Дверь они запирают. И вообще я вас не знаю. Документ покажите. Мало ли, кто в порядочную квартиру ломится.

– Вот мой документ, – достал Платон Ильич справки об освобождении и полной реабилитации. – Мой приговор признан незаконным, и я полностью восстановлен в своих правах.

– И что? – продолжала стоять в проходе Гундякина. – Может, вас и освободили, и восстановили в чем-то, но мы, да и другие две семьи вселились в эту квартиру на законных основаниях, по ордеру. И куда нам теперь прикажете? На улицу?

– Гражданка Гундякина, или вы меня сейчас пропустите в квартиру, или я пойду за милицией.

– Ой, напугал! – подняла голос толстуха. – Иди за милицией, посмотрим, на чью они сторону станут. Ты, зэк, здесь не в лагере, не командуй. Некуда мне тебя пускать. Я ж тебе русским языком объяснила: заперта твоя комната. Жена на работе, и сын не появлялся давно. Может, по твоим стопам пошел – в тюрьму. Вечером приходи, когда твоя вернется. Неужто не понятно? И вообще, ты здесь пока не прописан. Мало ли, что раньше был.

– И что вы мне предлагаете? На улице жену ждать? Или в подъезде на ступеньках сидеть?

– А мое какое дело? Хошь на ступеньках сиди, хошь – гуляй.

– Ах ты ж, курвище до нутра провонявшееся, – поменял тон Лебедев, сунув руку в карман, – лярва дерьмом набитая, хахалем своим давно не харенная. А ну сдрысни к едреням от дверей, пока ноздрями дышишь, а не дыркой в горле!

Профессор устало вздохнул; спокойно поставил фибровый чемоданчик под ноги; раскрыл небольшой перочинный ножик, купленный им в дорогу и служивший исключительно для разрезания пищевых продуктов на всем протяжении длинного пути, и, схватив толстуху одной рукой за грудки, приставил тонкое короткое острие к ее жирной шее. Гундякина заткнулась, открыла рот и по возможности посторонилась вбок. Не пряча складень, Лебедев поднял чемоданчик и брезгливо протиснулся мимо нее в коридор, грубо пихнув ее своим подтянутым животом в обвисшее рыхлое брюхо.

– И запомни, с-сука, – тихо сказал когда-то интеллигентный профессор, – вселили тебя сюда, как ты говоришь, по ордеру – так и сопи себе тихонько в ноздрю, не мешая жить другим,

пока обратно не выселили. У меня нервы после лагеря уж очень тонкие стали, могу и пером пописать ненароком, пусть потом и пожалею об этом. Ясно?

– Д-да, – кивнула Гундякина, по-прежнему с опаской поглядывая на раскрытый ножик.

– Какая комната у нас осталась? Покажи, – велел Лебедев. Гундякина послушно пошла по коридору, с опаской поглядывая назад на уголовного соседа, и показала пальцем:

– Эта.

– Что, курвы, самую маленькую площадь нам оставили? – зло ощерился бывший ответственный квартиросъемщик, подергав массивный навесной замок на двери в комнату.

– Так это ж не мы, – уже угодливо стала оправдываться вспотевшая от переживания толстуха, – это ж власти так выделили. На какую комнату кому ордер дали – в ту мы и вселились. Все по закону. Да и двое-то всего ваших здесь осталось: жена да сын. У других-то семьи больше количеством.

– По закону будет скоро: все к едреням из моей квартиры! А пока, что ж, потерплю. Я пока на зоне чалился – дольше справедливости ждал. Как видишь – дождался. Ладно, замок ломать не буду. Покажи: где на кухне наш шкафчик или что там у нас осталось? Я голодный.

– А нету на кухне ваших продуктов, товарищ профессор. Нету. Супруга ваша все в комнате держит. Не доверяет нам.

– И правильно делает. Я бы тебе не только свою пайку не доверил, но даже дерьмо. А скажи, почему на тебе шаль Тамары?

– Так, продала она мне ее. По согласию все у нас было. Вы чего плохого-то не думайте.

– Ладно. Тамара придет – спрошу.

– А вы покушать с дороги не желаете? Поди, проголодались. Я и кашей могу угостить, и хлеба дам, и чаю налью.

– Не надо. От тебя мне ничего не надо. Я чемодан оставлю и пойду по делам. Потом вернусь. Когда обычно Тамара с работы приходит?

– Обычно не раньше шести.

Платон Ильич умылся с дороги; побрился и в той же лагерной телогрейке, потрепанной шапке на рыбьем меху и разношенных валенках, подшитых автомобильной резиной, вышел из дома. Сперва он посетил паспортный стол, где, отстояв большую очередь, отдал на получение паспорта и прописки документы; потом отправился к себе в институт. Не с начальством и коллегами увидаться (не в таком же виде, успеется), а в студенческой столовой пообедать. Никого из знакомых не встретив, он плотно покушал, по устоявшейся лагерной привычке смахнул со стола хлебные крошки в ладонь и отправил в рот. Крошки были не только его, но остались еще и от предыдущих не таких бережливых к хлебу, как он, едоков. Молоденькие девчушки-студенточки за соседним столиком брезгливо переглянулись.

– Что, красавицы, смотрите так презрительно? – спросил Лебедев у студенточек. – Бывшего эка никогда за едой не видели? Так смотрите – просвещайтесь.

– Гражданин, – услышал Лебедев за спиной, – эта столовая для студентов, а не для бывших эков.

Лебедев медленно повернулся: за девушек вступился худенький паренек, их ровесник.

– Вы, молодой человек, в каком именно институте учиться изволите? – с ядовитой вежливостью спросил Лебедев.

– А вам-то какое дело? – вскинулся гонористым петушком паренек.

– Вначале, юноша, потрудитесь ответить на мой вопрос. Или боитесь?

– Я? Боюсь? Чего?

– Не знаю чего. Но мне сдается, вы боитесь обнародовать свою институтскую принадлежность.

– Механико-машиностроительный, ХММИ.

– А на какой кафедре?

– Литейного дела.

– Значит, на первом курсе, – утвердительно кивнул Лебедев. – Только поступили.

– Почему вы так решили?

– Просто потому, не очень вежливый молодой человек, что, начиная со второго курса, я знаю всех своих студентов. А они меня. Разрешите представиться, в том числе и вам, милые дамы: Платон Ильич Лебедев, профессор, пока бывший завкафедрой этого самого литейного дела. Только вернулся из дальних странствий и, как видите, не успел переодеться не то, что во фрак, но даже в пиджачную пару. А хлебные крошки, милые вы мои создания, – лагерная голодная привычка. Дай вам бог никогда такую не займеть. Думаю, мы еще с вами увидимся. На занятиях.

– Извините, товарищ профессор, – промямлил худенький юноша и тихонько ретировался.

– А мы не с вашего института, – сказала одна из студенточек. – Но мы тоже извиняемся. И это не потому, что вы профессор и завкафедрой. Пусть даже еще и не восстановленный. А просто потому, что мы действительно так глупо и не достойно комсомолок на ваши крошки отреагировали. Мы учимся в химико-технологическом. Меня, например, зовут Юля. Юля Аленина.

Насытившись, Лебедев прошелся в благодушном настроении по родному городу, по знакомым еще с детства заснеженным улицам, по которым скучал в холодной далекой лесной Сибири, вглядываясь в лица (особенно женские) спешащих и не спешащих по своим делам харьковчан. Гуляя, оказался возле кино «1-й Комсомольский», часы на доме показывали, что скоро начнется сеанс. Шла «Ошибка инженера Кочина». А почему бы и нет? Как раз время до возвращения Тамары подойдет. Фильм еще не смотрел. Судя по афише, Жаров в главной роли; хороший артист. Знал бы Лебедев, о чем кино – точно не пошел бы. Доблестные работники НКВД успешно ловят иностранных шпионов. Все чинно, мудро и благородно. И никакого тебе выдавливания и выбивания признаний. Ни-ни! Разоблаченные шпионы сознаются исключительно под тяжестью предъявленных улик. Комедия прямо. Обхохочешься да и только.

Когда Платон Ильич вернулся домой, дверь ему открыла Тамара, предупрежденная неожиданно ставшей вежливой Гундякиной. Объятыя, поцелуи, слезы – все, как и положено у нормальных супругов.

– А где Сергей? – спросил Платон Ильич, войдя в единственную оставшуюся в их пользовании комнату. – Соседка сказала, что он здесь больше не появляется.

– В училище Сережу забрали. В летное. Да ты раздевайся, Платошенька, раздевайся

– Как это? Он же студент. И сын зэка.

– Да вот так. Сережу ведь тоже *брали* в начале сентября (меня нет). Потом неожиданно выпустили, восстановили и в институте, и в комсомоле. Он мне ничего объяснять не стал. Сказал, подписку о неразглашении дал. А потом, в скором времени после октябрьской речи Сталина Сереженьку вызвали в военкомат и очень настоятельно предложили ехать поступать в училище. Объяснили, что сейчас проходит дополнительный комсомольский набор. Он ведь, помнишь, у себя в районном аэроклубе был одним из лучших. Даже сам хотел в летное училище поступать, самолетами бредил.

– Да, да, – кивнул Лебедев, – помню. И поступил бы, если бы перед самыми комиссиями в больницу не попал.

– Вот. А теперь они подняли его дело в аэроклубе и направили в летное училище. А насчет арестованного отца, сказали, что это теперь во внимание вообще не принимается и не мешает. Вот так.

– И как Сережа к этому отнесся?

– Если честно – обрадовался. Он ведь всегда летать хотел. В институт больше по твоему настоянию поступил.

– По моему... А в какое училище? Где находится? Не секрет?

– В Воронежской области. В Борисоглебске. Он даже в увольнение один раз приезжал. Неделю ему давали за успехи в учебе.

– Да-а... Если уже детей политических разрешили в военные училища набирать – воевать готовимся.

– Знаешь, Платоша, а ведь нас с Сережей один человек сразу после твоего ареста успокаивал, говорил, что тебя скоро отпустят, не позже, чем до Нового года. И утверждал, что мы с Германией еще до сентября подружимся. Представляешь?

– Это кто ж такой предсказатель? Что за оракул харьковский?

– Парень из квартиры над нами. Ты его знаешь. Здоровый такой. Саша, который у нашего Сережи Клаву перехватил.

– Вот как? – удивился Лебедев. – Что-то вокруг этого здоровяка Саша сплошные совпадения. Представь, мне об этом Саше напарник по лесоповалу и по нарам, один полковник, рассказывал. Он с ним в одной камере на Лубянке недолгое время сидел.

– Так Сашу на Лубянку забрали?

– Выходит, что так. Мне его, кстати, тоже в дело «подшить» пытались. Потом почему-то вычеркнули.

– Ну, надо же. Может, скоро и его выпустят?

– Не думаю. По словам моего лагерного товарища, Саша на допросе чуть ли не до полу-смерти избил четверых энкавэдистов. А это уже нападение на сотрудников органов. Такое там не прощается.

– Жалко парня. А он ведь за нас с Сережей вступился, когда первые соседи, Гундякины, вселялись. Так их напугал, что они, пока слух не пошел о его аресте, шелковые ходили.

– Мне эта Гундякина тоже попробовала хамить, пришлось слегка на место поставить. А, скажи, Тома, почему на ней твоя шаль?

– Продала я шаль, и вещи некоторые пришлось продать, и им и другим. Пока я на работу не устроилась – жить-то как-то нам надо было: сберегательные книжки твои у меня реквизировали, одна Сережина стипендия оставалась. Но теперь я тружусь, правда, зарплата небольшая, библиотекарем. Не все от нас отвернулись. Друг твой Лифшиц к себе в институт взял, не побоялся. Сначала путалась – теперь ничего, привыкла, справляюсь.

– Это хорошо, Томочка, что ты при деле. Потерпи еще немного, очень надеюсь, что меня восстановят на кафедре. Во всяком случае, с меня сняли все обвинения и признали незаконно осужденным с восстановлением во всех правах. Должны восстановить и на прежнем месте работы, смотря, конечно, кем оно сейчас занято. Я пока тебя ждал, успел в паспортный стол сходить: документы отдал – велели через неделю уже за паспортом явиться. А тогда и в институт наведаюсь, поборюсь за свое бывшее заслуженное место под солнцем. А, если восстановлюсь в институте, – буду ходатайствовать, чтобы вернули нам остальные комнаты. Мне, как профессору, занимающемуся научной деятельностью и дома, полагаются лишние метры.

– Ладно, Платоша, за эти месяцы я поняла, что не это главное. Бог с ними, с лишними метрами. Кроме Гундякиных, остальные наши соседи вполне приличные люди. Нас с Сережей не чурались, кое в чем даже помогали... Все у меня из головы соседский Саша не идет. Он нам первый тогда помог, не испугался. И Клавочку жалко, такая милая добрая девушка.

– Клаву? А что с ней?

– Забрали ее вначале сентября. Сначала Саша пропал, ты вот говоришь – на Лубянке оказался. Потом Клавочку выпустили ненадолго, как и Сережу, а потом опять забрали. Причем, во второй раз как-то странно забирали: с несколькими чемоданами и узлами. Вещи в машину снесли *эти*, в форме. Я их всех, как раз, у подъезда встретила. Так Клава, мне показалось, не была расстроена, поздоровалась со мной, и даже слегка улыбнулась, но говорить, я так понимаю, ничего не могла.

– Ладно, Томочка, хватит о соседях, будем надеяться, что и им судьба улыбнется, собери ка мне лучше белье и одежонку (титан, надеюсь, горячий?) – пойду – искупаюсь.

3. Новым курсом.

Огромная страна, раскинувшаяся на необъятных просторах Европы и Азии, с населением порядка 170 миллионов человек, послушная воле своего Великого кормчего, внезапно для всех изменившего на 180 градусов официальную риторику, со скрежетом в, казалось, навсегда согнутых от страха коленях поднималась и с наслаждением, и удалью разворачивала мощные плечи.

С привычным недоверием (хотя и с тайной надеждой) воспринимая октябрьскую речь товарища Сталина, советский народ уже в течение ближайшего месяца все больше убеждался, что в этот раз (во всяком случае, пока) громкие слова вождя не расходятся с его делами. Обычных людей хватать действительно перестали – как обрезало; многих, еще находящихся под следствием, выпустили и даже (кто бы мог подумать?) извинились; прошерстили частым гребнем самих сотрудников НКВД и их значительное количество заняло освободившиеся места на опустевших нарах своих бывших подопечных или заполнило заслуженные места в безымянных могилах; вначале тонкими ручейками, а потом и полноводными весенними реками потекли из лагерного ада обратно уцелевшие в нем политические, оправданные специальными комиссиями.

На первых порах со сдержанным привычным недоверием в нововведения властей, постепенно переходящим в чистосердечный энтузиазм, страна, закатав рукава и поплевав в мозолистые ладони, теперь уже без страха за свою завтрашнюю судьбу взялась за работу. Не успев до конца отдохнуть и отъесться, становились за свои станки вернувшиеся рабочие; садились за покинутые, было, столы и кульманы ученые и инженеры; возвращались в армейский строй кадровые командиры; творили в творческом экстазе оправданные деятели культуры.

Товарищ Сталин не стал ждать (как в прошлой реальности) начала войны, чтобы воззвать к исторической памяти народа. В статьях и художественных произведениях кроме неудачливых ватажков крестьянских восстаний принялись с гордостью возвеличивать русских полководцев, писателей-поэтов, архитекторов, ученых и даже некоторых царей. На киностудиях раньше, чем это было в реальности Алексея Валентиновича, приступили к съемкам еще не снятых фильмов о Суворове, Кутузове, Нахимове и прочих героических личностей, продолжив этим уже итак выпущенные на экраны ленты о Петре Первом, Минине с Пожарским и Александре Невском.

Официальная пропаганда перестала бороться с «церковным мракобесием». Хочешь верить в Бога – верь. В какого твоей душе угодно Бога – в того и верь. И в церковь ходить не стесняйся (или в мечеть с синагогой). Государство не только начало потихоньку отдавать епархиям их бывшие культовые сооружения, использовавшиеся с начала 20-х годов по совершенно другому назначению, но и частично (как культурное наследие) оплачивать их реконструкцию в первоначальный вид.

В свете таких новшеств уже мало кого удивил призыв партии и правительства простить и предать забвению взаимные кровавые обиды уцелевших участников братоубийственной Гражданской войны. Этот призыв был скорее нацелен не на внутреннюю, а на внешнюю аудиторию. Внутри что? Бывшие беляки, петлюровцы и прочие махновцы с националистами, кто уцелел, уже давно покаялись в своих прошлых политических заблуждениях и многие даже стали ярыми коммунистами (хотя бы на словах) и приверженцами Советской власти. А вот в Европе и Китае... По самым скромным подсчетам Лиги наций в Европе нашли прибежище около миллиона бывших русских граждан (большой частью мужчин с опытом боевых действий) и примерно треть миллиона в Китае. Это ж какой потенциал (особенно в военном отношении!), если с умом подойти да на свою сторону перетянуть. Даже без непосредственного возвращения на

Родину. И добавилось немерено работы в зарубежных консульствах-посольствах и в иностранном отделе НКВД.

Алексей Валентинович, встречаясь с конструкторами и изобретателями, пытающимися претворить подсказанные им идеи в жизнь, не забывал следить за календарем и сравнивать происходящие события с событиями в своей реальности. Не только в отношении Восточной Польши, но и в отношениях с прибалтийскими странами, наметились отступления от его истории. Да, договоры о взаимопомощи с прибалтами подписали, но вопрос о территориях под военные базы Красной Армии сняла сама советская сторона (чему немало удивились и прибалтийские республики, и Гитлер, и западные союзники побежденной Польши, все еще «воюющие» с Германией, усердно топчась на месте). Правда, все имеет свою цену: без советской оккупации город Вильно (ставший в реальности Максимова Вильнюсом) с прилегающей Виленской областью гордая и не благодарная в последствие Литва так и не получила (сами потом у поляков выпрашивайте или отбирайте, если хотите и, естественно, сможете).

По-тихому велись переговоры с Финляндией; в прессе регулярно стали появляться статьи о полезном экономическом сотрудничестве с маленьким, но гордым северным соседом и о близких и чуть ли не родственных отношениях, исторически сложившихся между двумя братскими народами (какие еще, к черту, белофинны?).

В конце ноября (точной даты Алексей Валентинович не помнил) так и не состоялся артиллерийский обстрел «финнами» советской территории, послуживший в прошлый раз формальным поводом для объявления войны. Так советско-финская (Зимняя) война и не полыхнула. В широкой прессе ничего не объявлялось, но по просьбе Максимова Куевда ознакомил его с не афишируемым советско-финским договором, подписанным еще в ноябре. СССР, неожиданно для второй стороны, снял все территориальные претензии на суше, оставив только настоятельную просьбу о взятии в долгосрочную аренду цепочки малопригодных для мирной жизни островков вдоль судоходного фарватера в Финском заливе, для оборудования своих военно-морских баз. Взамен, кроме отнюдь не малой арендной платы, финны получали увесистый пакет долгосрочных экономических и военных контрактов, выгодных более самим финнам. В числе прочего, финны заказали поставить им для нужд армии большую партию понравившихся им ручных пулеметов Дегтярева (у них на вооружении и так в большом количестве состояли трехлинейки Мосина и пулеметы Максима в русском варианте на станках Соколова).

И прибалтийские страны, и Финляндия, не так чтобы с радостью, но согласились подписать с Советским Союзом договор о дружбе, ненападении и взаимной военной помощи. Согласно этому договору, в случае нападения на их территорию любого государства, будь то, хоть Германия, хоть Англия с Францией, хоть даже Гондурас, – для собственной защиты они привлекают в качестве союзника «непобедимую и легендарную, в боях познавшую радость побед...» Красную Армию. А, если передумают и разорвут договор, то Красная Армия не гордая – может и сама к ним в гости незваной нагрянуть.

Странная почти бескровная война в Европе продолжалась: после капитуляции Польши союзники отошли обратно почти к французской границе, а в некоторых местах и перешли ее обратно; спокойно спрятались за непреодолимой (как они считали) линией Мажино и не мешали Гитлеру укрепляться на захваченных землях. Так было на суше, но на море, почему-то, воюющие страны решили померяться силёнками. Они взаимно принялись топить суда друг друга, поначалу в большинстве случаев придерживаясь «цивилизованных» правил ведения боевых действий: не трогали корабли нейтральных стран, при обнаружении вражеского транспорта или пассажирского судна не сразу пускали его на дно, а останавливали – высылали на борт досмотровую партию и только потом пускали торпеды, галантно разрешив экипажу и пассажирам пересечь в шлюпки.

Со стороны Германии работали в основном, подводные лодки адмирала Денница. Не повезло только (как и предсказывал Максимов своему будущему дедушке Чистякову) первому

неудачно подвернувшись в начале сентября в объектив перископа английскому пассажирскому лайнеру "Атения" – его торпедировали без всякого предупреждения. Удачно немцы утопили несколькими торпедами и британский авианосец «Корейджес», и даже полноценный линкор «Роял Оак» (последний, к стыду «владычицы морей», прямо на собственном рейде стоянки кораблей Королевского флота в Скапа-Флоу).

Ответно от этой самой «владычицы» огребали свое и германцы. Уже в декабре их «карманный линкор», он же тяжелый крейсер «Адмирал граф Шпее», после артиллерийской и торпедной дуэли с небольшой английской эскадрой у берегов Уругвая был так основательно поврежден, что команда, по приказу Гитлера его собственноручно пустила на дно, интернировавшись в Аргентину.

Начался апрель. Скоро, как помнилось Алексею Валентиновичу, успешно переваривший захваченные территории ненасытный и еще более укрепившийся Третий рейх собирался прибрать к рукам нейтральные варяжские территории Дании и Норвегии. Обе страны последние годы не уставали повторять о своей нейтральности. В конце мая прошлого года, перед «вынужденным ответным» нападением Германии на «агрессивную» Польшу, Датское королевство даже подписало с Тысячелетним рейхом договор о ненападении. Но когда более сильную сторону останавливала такая ерунда, как договор? Еще в декабре 1939 г., разрабатывая план по захвату Норвегии, германский генштаб пришел к окончательному выводу, что для этого необходимо в первую очередь захватить трусливо желающую остаться в стороне от европейской войны Данию. И аэродромы ее континентальной части – полуострова Ютландии – крайне необходимы люфтваффе для норвежской операции, и проливы датские немецкие транспорты при всем своем горячем желании никак миновать не могут. В общем: хочешь – не хочешь, а придется в довесок к Норвегии занять еще и родину Гамлета. Предварительно занять.

А сама Норвегия была крайне необходима Рейху главным образом по причине отправляющейся водным путем (незамерзающим зимой, в отличие от Балтийского моря) из их морского порта Нарвик шведской железной руды. Так уж (несправедливо) сложилось, что собственная германская руда не очень хороша по своему качеству, и количество ее добычи значительно отстает от все возрастающих нужд металлургических заводов. До объявления войны Францией большое недостающее количество закупали у нее. А теперь вся надежда на шведов: чуть ли не половина всей руды, поступающей в домны, потом в мартены и превращающаяся в итоге в оружие, технику и боеприпасы, поступает именно от них.

Кроме того, захват двух скандинавских королевств значительно облегчал немцам выход в Северное море и противостояние Туманному Альбиону.

Готовя нападение, немцы особо и не скрывались – и Дания о предстоящей ей участи очень даже догадывалась. Но, как это было и в других странах, в том числе и в СССР, чтобы не провоцировать и так готовящегося напасть агрессора, армию скандинавы решили заранее не разворачивать. Можно подумать, что где-то и когда-то миролюбивая неготовность жертвы к отпору приостанавливала атаку агрессора.

Алексей Валентинович помнил, что за пару часов до нападения германский посол передал датскому министру иностранных дел меморандум, объявляющий о том, что Германия исключительно с целью пресечь агрессивные намерения подлой Англии захватить базы в Дании и Норвегии вынуждена (обливаясь слезами сожаления и сочувствия) совершенно мирным образом сама оккупировать эти территории. При этом Датскому королевству высочайше гарантировалась территориальная неприкосновенность и политическая независимость от Германии.

И почти сразу немцы двинулись на север и по земле, и по воздуху, и по воде. Были мелкие стычки на границе, были небольшие очаги сопротивления в оперативной глубине. Не было одного: желания сопротивляться со стороны датского правительства и самого короля Кристиана X. Напротив, все эти деятели буквально с первых часов германского вторжения призывали

свои вооруженные силы не оказывать сопротивления врагу и сохранять спокойствие (прямо, как Карлсон с его «спокойствие, только спокойствие,»). Из власть предержащих желание защищаться за несколько дней до нападения проявил только верховный главнокомандующий королевской армией генерал-лейтенант Биллем Вайн Приор (потом, когда пришлось капитулировать, он вел себя уже по-другому и даже поблагодарил свою армию, послушно не оказавшую сопротивления). А до «мирной оккупации», когда он предложил заранее начать мобилизацию – правительство ему категорически запретило это делать; вначале вторжения генерал опять настаивал на военном отпоре, но, очевидно, не достаточно настойчиво – ему опять не разрешили.

Конечно же, силы были не равны. Дания располагала лишь двумя пехотными кадровыми дивизиями (15000 солдат), меньше, чем сотней самолетов (из них боевых: лишь 20 устаревших истребителей и столько же бомбардировщиков), двумя броненосцами береговой обороны, миноносцами, сторожевиками, подводными лодками и тральщиками. Рейх против нее первоначально направил соразмерное количество пехоты (правда, сопровождаемой легкими танками и бронев автомобилями), две с половиной сотни боевых и транспортных (с десантом) самолетов и морской флот (кроме одного старенького эскадренного броненосца, в основном набитые пехотными частями транспорты в сопровождении тральщиков, сторожевиков и миноносцев). При развитии наступления в случае необходимости планировалось привлечь еще несколько вблизи расположенных пехотных дивизий, но этого не понадобилось, и эти резервы поплыли в Норвегию.

Но сколько раз в истории и до этого, и после, не количество войск и качество вооружения решали исход военной компании. Сколько раз малочисленные, но сильные духом народы или отбрасывали наглое и многочисленного врага, или надолго задерживали его продвижение вглубь своей территории. Даже будучи разбитыми – не смирялись – продолжали партизанскую борьбу и, в конце концов, то ли получали помощь извне, то ли становились крайне невыгодны в качестве порабощенной территории, и враг отступал сам.

Датское же королевство, как помнил Алексей Валентинович, капитулировало уже через шесть часов после начала вторжения, потеряв что-то около полутора десятка убитых в мелких стычках солдат. Потери вермахта при этом составили десятка полтора подбитых бронев автомобилей, мотоциклов, парочку легких танков и только двух убитых солдат. Говорят, такому молниеносному, почти бескровному результату несказанно удивились сами немцы. Хотя, если исходить из названия, присвоенного датско-норвежской операции – «Учения на Везере», германский генштаб на особое сопротивление выродившихся потомков храбрых викингов и не рассчитывал.

Первые годы немцы и впрямь поддерживали в Датском королевстве относительно щадящий оккупационный режим. Король Кристиан X оставался в своем дворце на своем троне; оставались на своих местах правительство и парламент, полиция и прочие государственные службы; сдавшуюся армию сперва частично разоружили – потом снова разрешили нести службу, экспроприировав, правда, некоторые виды тяжелого вооружения, больше нужного самим немцам. Организовали датский корпус СС, куда набирали исключительно на добровольной основе, в основном военных, получавших отпуск из датской армии с сохранением выслуги лет.

Большинство датчан такое положение дел вполне устраивало. Никакого сопротивления мягкой оккупации поначалу фактически и не происходило. Датское правительство и большинство народа поддерживало союз с Германией и даже ее нападение в 1941-ом на Советский Союз. Вполне себе благопристойные арийцы, близко родственные германцам. Прозрение к части датчан стало поневоле приходить лишь с бомбежками их городов английской авиацией (тю, а нас-то за что?) и с пониманием, что непобедимый вермахт (вместе с датским эсэсовским корпусом) все быстрее катится с жадно проглоченной, но так и не переваренной необъят-

ной советской земли обратно на запад в сторону своего «неприступного» Фатерлянда. И тогда уже начали возникать вооруженные группы Сопротивления, ширился саботаж, случались даже демонстрации и стачки. Немцы в ответ закрутили им гайки, как и прочей Европе: резко увеличили свое оккупационное присутствие; разогнали правительство; разоружили армию и местную полицию; поддержали местных активизировавшихся нацистов, кроваво расправлявшихся с инакомыслящими земляками без суда и следствия.

Единственный запланированный пункт, который у немцев не получился – это крупный облом с арестом датских евреев (хотя, кое-кто из историков считает, что немцы его допустили сознательно). В 1943 году один немецкий дипломат тайно предупредил датское Сопротивление о грядущей массовой депортации местных евреев. Здесь нужно отдать должное простым датчанам: была организована чуть ли ни общенациональная компания по спасению преследуемого «богоизбранного» народа. Почти восьми тысячам евреев и их нееврейским родственникам помогли добраться до побережья, откуда рыбаки на своих суденышках переправили всех через пролив Эресунн в нейтральную Швецию.

Чего-то подобного Алексей Валентинович ожидал и сейчас и, встав около семи часов утра 9 апреля, в одиночку подсел к радиоприемнику в гостиной – послушать новости. Москва ничего интересного о Скандинавии не передавала. Может, из-за каких-то изменений, уже проведенных Советским Союзом в международной и в своей внутренней политике, и херр Гитлер каким-то образом переменил свои планы? Он покрутил настройку, ловя иностранные станции. Английский язык Алексей Валентинович учил в школе и университете, но, давно им не пользуясь, изрядно подзабыл. Из немецкого знал только фразы типа «Гитлер капут», «хэндэ хох», «битте папирен» и немного из другой серии: «дастишь фантастишь». Так что, толку от блуждания по зарубежным радиостанциям не было никакого.

– Что, Алексей, не терпится узнать, как там сегодня с утра в северных королевствах? – улыбаясь, спросил, заходя в гостиную Куевда. – Ладно или неладно?

– Угадал, – кивнул Алексей.

– На эту минуту могу тебе сказать лишь одно, – посмотрел на наручные часы Михаил. – Во всяком случае, там уже не так, как это было в твоём времени. Практически бескровным призом Дания в загребушие ладошки Гитлера теперь не упадет уж точно; да и с Норвегией, уверен, бабушка не то, что надвое, а на все пятеро сказала.

4 Не все «гнило в королевстве датском».

За день до нападения Германии совершенно неожиданно оживилась фельдъегерская служба северного королевства. Телефонные линии, напротив, буквально одновременно оказались повреждены в разных местах. Многочисленные посланцы на автомобилях, мотоциклах, велосипедах, лошадях (а на ближайšie объекты и пешком) дружно отправились доставлять особо секретные засургученные пакеты. Военные курьеры были датчанами, ни один посторонний враг среди них не затесался, да и не собирался это делать. Зачем? Гораздо легче оказалось убеждением и деньгами (очень даже приличными) склонить к сотрудничеству не питающего симпатий к Гитлеру заместителя главы этой отнюдь не воинственной службы скромного капитана Якобсена. На его счастье (какое совпадение), еще двумя днями раньше его непосредственный начальник попал в автомобильную катастрофу (что-то у его машины случилось с тормозами) и, хоть и выжил (случайно), но отправился надолго в госпиталь – залечивать свои многочисленные переломы.

Капитан Якобсен, чистосердечно радуясь тому, что он делает (и полностью понимая последствия), да еще и получив за свою искреннюю радость немалое количество датских марок и иностранной валюты в скромном кожаном саквояжике, мастерски организовал изготовление секретных приказов, рекомендованных ему (как он наивно считал) щедрым английским джентльменом, и их рассылку по намеченным адресам.

Произошел еще один факт, поначалу не афишируемый в Датском королевстве: неожиданно слег в бессознательном состоянии от непонятного недуга сам Его Величество 70-летний король Кристиан X, в прошлой реальности чрезвычайно не желавший оказывать немцам сопротивление.

И колесо истории в очередной раз хоть и со скрипом, но отвернуло с прежнего трусливого пути и покатило под пока еще небольшим углом в сторону, все больше отдаляясь от прежней, позорящей потомков викингов гнилой колеи.

В 5.15 на следующее утро передовые подразделения 170-й пехотной дивизии вермахта несколькими механизированными колоннами перешли границу нейтральной северной соседки и двинулись настороженным маршем вглубь чужой территории. Датские пограничники на всех контрольно-пропускных пунктах демонстративно бежали, даже не пытаясь оказать многочисленным нарушителям ни малейшего сопротивления.

Передовой немецкий дозор в составе четырех легких бронев автомобилей (одного открытого сверху пулеметного и трех двухосных башенных «хорьхов», вооруженных 20-мм автоматическими пушками) в сопровождении трех крытых грузовиков американской марки «Форд» (выпущенных на германском заводе), плотно набитых пехотой, наступал впереди своего батальона по шоссе в сторону городка Хоккеруп. Дозор, геройски сокрушив бампером переднего броневичка полосатый деревянный шлагбаум перед контрольно-пропускным пограничным пунктом, чуть ли не с улюлюканьем помчался вслед оседлавшим велосипеды и бешено крутящим впереди педали датчанам.

Перепуганные датские пограничники, не выдержав гонки, внезапно съехали на левую обочину, перемахнули неглубокий кювет и скрылись в густом лесу. Разгоряченные погоней немцы, не сбавляя скорости, продолжали гнать по пустому шоссе на север. Но недолго. Под вторым, пушечным, броневиком совершенно неожиданно рванула установленная ночью противотанковая мина. Отлетело левое переднее колесо; потерявший одну из четырех точек опоры, быстро несущийся почти пятитонный бронев автомобиль кувыркнулся и слетел в придорожную канаву, калеча собственный экипаж и начиная опасно дымить.

Первый открытый сверху пулеметный броневичок, случайно не наехавший на одну из нескольких десятков заложенных под тонкие асфальтовые латки или присыпанные щебнем противотанковых мин просуществовал тоже недолго. Из ближайшего лесочка, куда скрылись «трусливые» пограничники на велосипедах, часто зататакала 20-мм автоматическая пушка фирмы «Мадсен» на низком колесном лафете. Аккуратная короткая строчка легко прошла тонко бронированные капот и кабину, разрываясь внутри и не оставляя ни машине, ни двум членам ее экипажа ни малейших шансов. Со смертельно раненым водителем, упавшим на руль, и мертвым командиром-пулеметчиком броневик еще проехал по инерции под сотню метров и неприкаянно остановился прямо посреди дороги.

Оставшиеся «хорьхи» спешно тормозили, а их командиры, еще мгновение назад гордо выглядывающие из низких башенок, ныряли вниз и лихорадочно пытались повернуть свои автоматические пушки в сторону врага. Не успели. Скрытая в посадке на сто метров ближе к границе заработала вторая 20-мм пушка, успешно вспарывая меткой очередью из 15-зарядного магазина борт и корму броневика, ехавшего последним. Башня предпоследнего «хорьха» стала поворачиваться в ее сторону, но огонь открыть так и не успела: на оставшуюся опасную цель быстро переключилась уже расправившаяся с пулеметным броневичком первая пушечная установка датчан. 20-мм бронебойные снаряды легко прошли с близкого расстояния покатую, но тонкую боковую броню «хорьха» и разорвались в середке. Два из них, пролетев через боевое отделение, рванули уже в расположенном в корме двигательном отсеке – обездвиженная машина ярко полыхнула и высоко зашлась черными клубами.

На три следовавшие за броней крытых грузовика обратили безжалостный гнев своих кинжальных очередей скрытые в том же лесу ручные пулеметы той же датской фирмы «Мадсен». Пулемета было три. К их захлебывающейся какофонии присоединили свою разрозненную пальбу и винтовки еще с ночи схоронившейся за деревьями стрелковой роты.

Разгром германского передового дозора был полный. Оставшиеся в живых перепуганные стрелки боязливо подняли руки, и лишь двоим, удачно воспользовавшимся жирным дымом от разгоревшихся машин удалось просочиться на другую сторону шоссе (где тоже залегли датчане, но уже реже) и возвратиться обратно к своим.

Взвинченные, но счастливые своим удачным спасением солдаты поведали о подлой западне не желающих склониться перед германской мощью датчан своему напыщенному капитану. Капитан Земмингер, не попавший на польскую компанию, и впервые участвовавший в боевых действиях, решил показать свое воинское мастерство и расправиться с наглými, не понимающими своего счастья быть мирно оккупированными, датчанами самостоятельно, не ставя в известность херра полковника. Он наметил, не доезжая до поворота, где произошел незапланированный разгром передового дозора, заранее спешить своих стрелков и, наступая через лес, охватить вражескую засаду с флангов и тыла. Оставшиеся шесть тяжелых трехосных пушечных бронеавтомобилей должны были выехать вперед по шоссе за поворот уже после завязавшегося в лесу боя и массивным пушечно-пулеметным огнем своих башен поддерживать пехоту.

Доехали до поворота. Остановились. Не успели одетые в серо-зеленые шинели и глубокие каски стрелки покинуть нагретые их солдатскими задницами деревянные скамьи, как должный (по мнению их капитана) быть пустым лес с обеих сторон от дороги предательски полыхнул огнем. Кинжальные очереди малокалиберных пушек на низких колесных лафетах и ручных пулеметов на сошках с высоко торчащими вверх изогнутыми магазинами одной и той же фирмы «Мадсен»; залпы магазинных винтовок другой датской фирмы, «Краг-Йоргенсен», и, ну надо же, знакомое длинное стрекотание родных МГ-34, только что подло захваченных и сразу обращенных против своих же солдат. Водители расстреливаемых «фордов» и тяжелых бронеавтомобилей, уже не слушая приказов, пытались скрыться от летящих со всех сторон из-

за придорожных деревьев смерть несущих стали и свинца, сталкивались и добавляли в эту заварившуюся огненную кашу еще большего хаоса.

Рассчитывавшие на легкую прогулку в северном направлении, на что-то вроде больших весенних маневров в ходе военной операции с символическим названием «Учения на Везере», немцы из роты капитана Земмингера с удивлением обнаружили, что они запросто могут не вернуться в любимый Фатерлянд живыми или, по крайней мере, целыми и здоровыми. А умирать им так не хотелось... Кому не удалось своевременно убежать обратно в направлении собственной границы, бросали оружие и застенчиво поднимали руки.

Вместе с подчиненными сдался, так и не проявивший свое воинское мастерство херр Земмингер. Поначалу бравый капитан пытался остановить свое разбегающееся, как тараканы от света, воинство, грозно крича, бестолково размахивая большим пистолетом П-38 системы Вальтера и даже постреливая из него в воздух. Еще не бывавшие в бою солдаты с карабинами Маузера в руках не реагировали на его крикливые призывы залечь и организовать оборону, а старались побыстрее прошмыгнуть мимо него. Не пытались ему помочь еще немногие уцелевшие лейтенанты, фельдфебели и прочие растерявшиеся первый раз под огнем унтер-офицеры. Первый номер одного из пулеметных расчетов с МГ-34 наперевес не спешил открыть огонь по густо мелькающим в придорожной посадке вспышкам, он, якобы случайно, даже двинул своего командира, стоящего у него на пути, короткой рогулькой деревянного приклада в живот и побежал дальше. Согнувшийся от перехваченного дыхания капитан наставил вороненый вальтер в спину улепетывающему пулеметчику, но выстрелить не успел – пуля из краг-йоргенсена пробила насквозь его собственное бедро, перебив при этом берцовую кость, – пришлось упасть на дорогу и заплакать от собственного бессилия и дикой нахлынувшей боли.

Выстрелы постепенно прекратились. Из посадки сдающимся солдатам на вполне литературном немецком языке прокричали требование, сложить оружие и собраться на дороге позади буйно разгоревшейся рыжим веселым пламенем и клубящейся едким черным дымом техники. Набралось около трех десятков уцелевших и раненых. Еще с десятков раненых не могли двигаться самостоятельно и, кто был в сознании, отбросив от себя оружие, стонали среди убитых товарищей.

Датчане, быстро обыскав, погнали пленных вглубь леса, отнюдь невежливо подталкивая самых медлительных прикладами; раненых немцев перевязали и оставили на месте, гуманно оттянув подальше от жарко пылающей их собственной техники. Из трофеев победители опять забрали брошенные пулеметы, железные коробки с набитыми патронами лентами и ручные гранаты. Германские карабины датчане покидали в огонь – пускай горят деревянные ложа и отпускается от жара сталь затворов и стволов.

На шоссе наступило временное затишье. Ошарашенные неожиданным отпором немцы собирались с силами. Разгром авангардной роты, уничтоженные броневики – спокойнее в Польшу поначалу входили. Подтянувшаяся батарея легких полевых гаубиц снялась с передков уже по датскую сторону границы. Вымуштрованные расчеты привычно и быстро оборудовали позиции. Вперед выслали корректировщиков с полевым телефоном, пристрелялись и щедро выпустили по уже безлюдному лесу по обе стороны от места второго боя половину боекомплекта своих 105-мм осколочно-фугасных гранат.

Выдвинувшаяся пешая разведка сообщила об отсутствии живых и мертвых солдат противника, и немецкая колонна настороженно и не спеша двинулась вперед с уже новыми броневиками впереди, открывавшими густой пулеметный огонь по каждому подозрительному кусту или закачавшейся от ветра и птицы ветке.

Через пару спокойных километров шоссе перегородил завал из поваленных деревьев. Дозор остановился и обстрелял пулеметами и завал, и лес по обе стороны от дороги. В ответ – ни пули, ни звука. Немецкая колонна, ошестившись во все стороны стволами автоматических пушек, пулеметов и карабинов, остановилась; посланные вперед и в стороны разведчики

врага не обнаружили. Но когда принялись разбирать завал, раздалось несколько взрывов от, как оказалось, подло привязанных между деревьями и незамеченных в листве немецких же ручных гранат М-24. Ничего не понявшие в первый момент солдаты залегли и снова открыли бесполезную стрельбу во все стороны.

Когда опять наступила тишина, вперед выслали саперов. Саперы отвязали еще несколько собственных германских гранат на длинных деревянных ручках и с помощью вновь подошедших солдат растянули деревья в стороны, освобождая проход для техники. Все погрузились и тронулись дальше. Но не далеко. Буквально через полсотни метров под передним колесом головного пулеметного броневичка рванул очередной незамеченный фугас. Открытый броневичок подкинуло капотом вверх – он полыхнул. Еще не успевшая разогнаться механизированная колонна остановилась и опять грозно рыкнула огнем во все стороны, так и не видя врага.

Вперед опять пошли саперы. Теперь со шупами и лопатками. Техника двинулась следом с черепашей скоростью. Саперы обнаружили и обезвредили еще пару спрятанных под тонким слоем свежего асфальта, тщательно притрушенного пылью и грязью, фугасов. Но большинство якобы свежих латок на дорожном полотне оказывались симитированными подлыми датчанами и только отбирали на свою проверку лишнее время. Принявший командование над колонной майор Штайнер получил по радиции нагоняй от своего полковника: продвижение по датской территории безнадежно отставало от графика «Учений» и ему надлежало немедленно форсировать марш, если он не хочет в ближайшее время продолжать следовать в этой же колонне, но уже с пустыми погонами рядового стрелка.

Майор Штайнер этого не хотел, он убрал саперов, а вперед, в качестве тральщика-смертника, послал грузовик с одним шофером. Перевозимых в нем солдат и фельдфебеля, потеснившись, приняли к себе остальные крытые «форды». Через полкилометра смертник, который хоть и пытался объезжать подозрительные места, как и ожидалось, подорвался, сам он погиб – грузовик полыхнул – колонна опять остановилась, но по сторонам стрелять не стала (зачем зря патроны тратить?).

Тотчас из-за недалекого поворота шоссе раздались слегка заглушенные расстоянием глухие хлопки, и прямо посреди шоссе между остановившихся грузовиков, плотно набитых немецкими солдатами, огненно и дымно расцвели разрывы 81-мм мин французских батальонных минометов системы Брандта. Где-то, очевидно, сидел датский корректировщик, и мало какая тяжелая мина весом под семь килограммов разорвалась зря. Минометчики постепенно переносили огонь вдоль колонны. Уцелевшие солдаты выпрыгивали из машин и разбегались в придорожные посадки, на всякий случай, стреляя впереди себя по абсолютно безлюдному лесу. Несколько «фордов» загорелись, не повезло двум мотоциклам и одному трехосному тяжелому броневичку. От близкого взрыва детонировал зарядный ящик у следующей в середине колонны противотанковой 37-мм пушки – не стало ни самой пушки, ни большей части расчета. В кузовах грузовиков, на шоссе и обочинах вповалку лежали десятки трупов и жалобно стонали раненые.

По радиции с трудом связались с батареей легких гаубиц, как надеялся майор Штайнер, оставшейся на прежней позиции возле границы (не зря надеялся), передали примерные координаты вражеских минометов. Артиллеристы произвели расчеты и дали пробный выстрел, разрыв которого от места частично разгромленной колонны был невидим. Зачем-то добавили еще пару раз. Для корректировки майор Штайнер выслал вперед отделение стрелков и связиста с полевым телефоном. Стрелки, не показываясь из-за деревьев, потрусили в сторону предполагаемых позиций датчан, разматывая за собой провод. Хлопки минометов из-за леса прекратились – разрывы на шоссе больше не вспухали. Через время высланная вперед группа обнаружила на перекрестке шоссе и проселочной дороги пустые металлические контейнеры из-под мин и следы от вдавленных в грунт отдачей опорных плит. Ни одного датчанина, ни живого, ни мертвого вблизи не наблюдалось. Воронок от своих гаубичных снарядов – тоже. Сообщили

по телефону своему командиру и получили приказ: занять на перекрестке оборону и ждать. Заняли и стали ждать.

В это время на позицию гаубичной батареи, оставшейся на прежнем месте, чтобы оказывать в случае нужды артиллерийскую поддержку наступавшей по шоссе колонне, налетели никем не ожидаемые (по плану «Учений на Везере», они уже несколько часов, как должны были сгореть на собственном аэродроме) три стареньких британских биплана фирмы «Глостер» грозно называвшиеся «Гладиаторами». Не ожидавшие чужой авиации немцы действительный зенитный отпор дать не успели: так, постреляли отдельные солдаты в белый свет, кто из карабинов, кто из ручных пулеметов.

Считавшиеся истребителями, но сейчас посланные в качестве легких штурмовиков медленные «Гладиаторы» несли на внешней подвеске по четыре 50-кг фугасных бомбы каждый. Они совершенно безнаказанно выскочили из-за восточной части леса и с первого захода, чуть ли не на бреющем полете, разгрузились над гаубичной батареей и охраняющими ее подразделениям. И спокойно улетели не обратно, а на север, имея в своих цельнометаллических корпусах и двойных крыльях лишь по десятку другому неопасных пробоев винтовочного калибра. Сзади, после дюжины мощных разрывов, все заволочило пылью, и дымом. Через серое марево проступали жадные языки пламени, рвались гаубичные боеприпасы, горело растекшееся из пробитых бензобаков машин топливо.

Тройка отбомбившихся датских пилотов повела свои медлительные бипланы прямо вдоль шоссе и буквально через считанные минуты оказалась над снова собирающейся в путь злосчастной колонной майора Штайнера. Заслышав звук моторов, обернувшиеся немцы с радостью увидели приближающиеся три низко летящие машины. Люфтваффе! «Хеншели». Некоторые стрелки даже успели приветственно помахать чумазыми ладошками отважным орлам Геринга (как они считали).

Идущие друг за дружкой «Гладиаторы» еще слегка снизились и, чуть ли не цепляясь неубирающимися шасси за тенты грузовиков, щедро прострочили всю колонну из стреляющих через винт синхронизированных спаренных 8-мм пулеметов. Прострочили и улетели. А оставшиеся живыми бравые немецкие вояки опять залегли или разбежались в стороны.

Получивший пулю в грудь майор Штайнер лежал на спине; смотрел в холодное серое небо, с каждым хриплым мучительным выдохом все больше и больше пачкая свои узкие губы розовой пеной из пробитого легкого, и молил Бога, о котором давно уже не вспоминал, о быстрой смерти.

Примерно по сходному сценарию (где больше – где меньше) пробуксовывало немецкое наступление и на большинстве остальных протянувшихся в северном направлении шоссе (кроме самого западного), пересекавших германо-датскую границу на полуострове Ютландия.

Трагически не повезло германскому послу в Дании херру Ренте-Финку. Еще до рассвета он выехал из своей резиденции, чтобы вручить датскому министру иностранных дел меморандум о мирной оккупации королевства. Но на одном из должных быть пустынными в этот час перекрестков Копенгагена его солидный, сверкающий глянец в свете ночных фонарей, посольский лимузин с гордо красующимся свастикой флажком на капоте неожиданно врезался в бок резко выскочившего из-за угла тяжелого грузовика с погашенными фарами. Непонятно откуда подбежавшие мужчины деловито и быстро добились монтировками всех выживших в лимузине, изрядно плеснули в салон бензин из поднесенной канистры, бросили подкурленную сигарету и скрылись. Благодаря этому досадному происшествию датское правительство так и осталось в полном неведении, что через час с небольшим их королевство собираются очень мирно оккупировать для их же собственной пользы (исключительно, чтобы спасти от жестокого захвата подлыми британцами).

Датский верховный главнокомандующий вооруженными силами генерал-лейтенант Биллем Вайн Приор еще за день до этого получил доставленный фельдъегерем секретный пакет от короля (и подпись, и печать были совсем как настоящие), о германских планах назавтра и с приказом дать достойный славы воинственных скандинавских предков отпор. Еще в приказе напоминалось, что на случай войны верховный главнокомандующий выходит из-под власти правительства и парламента и подчиняется исключительно королю. К этому времени 70-летний король уже впал в необъяснимое масгитыми докторами беспамятство, и, в случае тевтонского нашествия, всю полноту военной и гражданской власти получал действительно желающий сражаться бодрый 46-летний генерал.

На день раньше, чем в прошлой реальности, генерал-лейтенант Приор прибыл в форт Кастеллет и развил бурную деятельность. Первым делом он объявил мобилизацию резерва первой очереди, потом подняли и запустили в работу заранее составленные планы на случай германского вторжения. Завертелись колесики в генеральном штабе. С приятным удивлением начальник генштаба Герц стал получать из некоторых близлежащих частей сообщения, что там уже получили секретные пакеты с приказами о подготовке обороны, доставленные фельдъегерями. «Накладка получилась, – решил Герц. – Но накладка полезная. Много масла в каше не бывает».

В течение дня полиция, усиленная армейскими патрулями и одевшими форму резервистами, провела массовые аресты пятой колонны: не скрывающих своей принадлежности членов Национал-социалистической рабочей партии Дании, совершенно не пользующейся поддержкой основной массы населения, во главе с их фюрером Фрицем Клаузенем.

При активной помощи гражданского населения выявили и посадили под замок (некоторых после перестрелки) и подозрительные группы немецких туристов, почему-то сплошь состоящие из мужчин призывного возраста с короткими армейскими стрижками.

Когда в начале шестого авиагруппа капитана Фалька из 10-го германского авиакорпуса приближалась к (как они считали) мирно спящему аэродрому Верлёсе, что возле столицы, где они предполагали застать врасплох главные силы датских ВВС, ни одного самолета на земле уже не было. Сквозь предрассветный сумрак германские пилоты разглядели на земле какие-то темные силуэты и немецкие «мессершмитты» (одномоторные Me-109 и двухмоторные Me-110) основательно отстрелялись по ним из 20-мм пушек, крупнокалиберных и винтовочного калибра пулеметов. Затем истребители поднялись выше, под самые облака, а аэродром густо и бесполезно засыпали мелкими бомбами (как можно менее поврежденные королевские аэродромы нужны были для скорейшего приема самолетов люфтваффе, нацеленных уже против Норвегии) подоспевшие He-111. Зенитное прикрытие аэродрома им не отвечало. Отбомбившиеся «хейнкели» улетели, следом за ними – и уже значительно опустошившие свои бензобаки Me-109. На большой высоте остались медленно барражировать только двухмоторные Me-110.

Очень скоро над аэродромом Верлёсе загудели трехмоторные транспортные «юнкерсы» Ю-52 и светлеющее с каждой последующей минутой небо расцвело белым шелком десятков спускающихся на парашютах егерей. А вот им-то, как раз и не повезло. По не очень понятной причине (в Красной Армии было принято не так) немцы десантировались по принципу «мухи отдельно, котлеты отдельно»: у большинства приземляющихся парашютистов оружия при себе не было, разве что пистолеты, кому по штату положено. Их же карабины, автоматы и пулеметы десантировались в специальных контейнерах, к которым нужно было еще подбежать, открыть и лишь тогда вооружиться. А на земле их уже ждали. С большим нетерпением. После окончания обстрела и бомбежки датские военнослужащие, в большинстве своем пережившие ожидаемый ими налет, поставили на брустверы еще вчера отрытых замаскированных щелей и око-

пов ручные пулеметы на сошках, дружно выложили винтовки. И пошла охота на практически беспомощных немцев, как на диких уток.

Их били и влет, и приземлившись. К упавшим контейнерам с оружием не дали подойти никому. Летчики барражирующих на большой скорости сверху «мессершмиттов» сперва ничего плохого не заметили. Ну, мелькают внизу какие-то огоньки. Стреляют. Наверняка доблестный десант добывает случайно уцелевших на аэродроме дезориентированных перепуганных местных туземцев, пусть даже и дальних арийских родственников. А как иначе? Когда на поле, густо покрытом надутыми боковым ветром непогашенными белыми куполами парашютов, прекратилось всякое движение (на каждое шевеление летела пуля и не одна), на него, выбравшись из окопов, бросились датчане. Среди множества трупов нашлись и живые. Их быстренько согнали в кучу и, бесцеремонно подталкивая винтовками, отконвоировали в уцелевший пустой ангар.

Старшим по званию у выживших егерей-парашютистов оказался побледневший обер-фельдфебель с простреленным кровенящим плечом и подвернутой лодыжкой. Его грубо оттащили в сторону от подчиненных и, не перебивая, на чистом языке Гетте объяснили, что если он не хочет немедленно отправиться на встречу с большей частью своих камрадов на тот свет, то должен согласиться на сотрудничество. Времени на раздумье у него нет. Ни секунды. От него требуется сущий пустяк: по радиации, упакованной в контейнере вместе с оружием, с помощью датского радиста сообщить своим, о благополучном захвате аэродрома. Если среди выживших десантников есть немецкий радист, и он на него укажет, – обер-фельдфебелю будут особо признательны. Для скорейшего принятия пленным правильного решения к нему подошел огромного роста датчанин со зверским выражением на грубом широком лице и принялся старательно вычищать у себя под ногтями грязь трофейным десантным ножом-стропорезом с узким выкидным лезвием.

Сперва обер-фельдфебель попробовал было что-то лепетать о полагающемся гуманном обращении с пленными, о том, что когда Германия захватит Данию (а сомневаться в этом не приходится), кто его хоть пальцем тронет – будет немедленно расстрелян. Но когда один здоровенный потомок викинга крепко схватил его рукой за глотку, чтобы не дергался; а другой приставил острое лезвие ножа под нижнее веко и слегка придавил, как бы выколупывая глазное яблоко, – согласился на все. Датчанам опять повезло: среди десятка уцелевших парашютистов нашелся и радист, хоть и тоже слегка подраненный.

Принесли радиацию, развернули антенну и, наставив на обер-фельдфебеля и радиста пистолеты-пулеметы Бергмана МП-32, с коробчатыми магазинами, торчащими вправо, вежливо попросили связаться со своими и передать, что на земле, мол, все в порядке: посадочная полоса захвачена. Пленные не стали кочевряжиться – связались и сообщили о благополучном захвате аэродрома и полной готовности к принятию транспортов с пехотой. Датчанам оставалось надеяться, что, во-первых, десанникам поверили; во-вторых, они не сообщили каким-нибудь тайным кодом, что работают под принуждением. Стали ждать, тщательно подготовившись к вполне возможной встрече гостей.

И датчане гостей дождались. Меньше чем через полчаса небо, как вороньими стаями, покрылось подлетающими группами трехмоторных транспортников. «Юнкерсы» сделали широкий круг и по очереди пошли на посадку. Эти самолеты, по сведениям, полученным из королевского генштаба и подтвержденные пленными, были битком набиты уже не егерями-парашютистами, а обычной пехотой с полным штатным вооружением. Выпускать их живыми из самолетов было опасно.

Первыми открыли огонь по тормозящему на взлетно-посадочной полосе Ю-52 две установки 20-мм автоматических пушек. Целились пушки по кабине пилотов и двигателям. Некоторые снаряды угодили в цель и оставшийся без управления загоревшийся самолет, так и не

затормозив, съехал вбок и несся вперед, пока не наткнулся на стоявшую невдалеке ремонтную мастерскую. От сильного удара огонь полыхнул вдоль фюзеляжа – спастись не удалось никому.

Второй самолет, начав приземляться, но, еще не успев коснуться бетонной полосы, попытался снова набрать высоту. Не получилось. Его влет прошили очереди следующих автоматических «мадсенов». Транспортник просто рухнул брюхом вниз и громко взорвался, живописно разбрасывая во все стороны сгорающие обломки своей алюминиевой конструкции, стального скелета и разорванные куски человеческих тел.

Остальные «юнкеры», ожидавшие своей очереди на посадку, попытались убраться подальше от негостеприимного аэродрома. Но удалось это далеко не всем: среди них густо распушились темные облачка разрывов зенитных 75-мм снарядов, безжалостно и часто пронзали фюзеляжи и плоскости трассирующие очереди мелкокалиберных автоматических установок и пулеметов. С дури плеснули масла в огонь бороздящие на высоте двухмоторные «мессершмитты» прикрытия. Удивленные бешеным огнем с аэродрома, который успешно «захвачен» германским десантом, они стали пикировать на мелькающие наземные вспышки и поливать их пулеметно-пушечными очередями. Но вместо датских зенитных установок, по закону подлости, часть их пуль и малокалиберных снарядов прошла не успевшие скрыться с места избития собственные транспортники. Сбить они, правда, никого не сбили, но список немецких раненных и убитых солдат основательно пополнили.

Когда еще способные держаться на лету Ю-52 убралась в сторону родного германского аэродрома, с которого так недавно уверенно поднялись на легкую, как они полагали, прогулку; оставшиеся Me-110 попытались, было, проштурмовать своими пушками-пулеметами зенитное прикрытия главного датского аэродрома; но, получив неожиданно мощный отпор, и потеряв две машины (одна рухнула прямо на летное поле; другая, задымив и выбросив на парашютах экипаж, упала за его приделами), тоже взяли курс на Фатерлянд.

Примерно такой же прием ожидал и вторую авиационную группу люфтваффе, в это же время сперва вхолостую бомбившую, а потом выбросившую на заклятие десант на втором по значимости датском аэродроме, Ольборге, расположенном на севере полуострова Ютландия. Так же несолоно хлебавши отправились обратно в Рейх и остатки пехотного батальона, сидящие плотными рядами при полном вооружении в тесных фюзеляжах транспортных «юнкеров», счастливо избежавших гибели на земле и в воздухе.

Еще одна дюжина Ю-52, набитых под завязку бравыми егерями парашютной роты капитана Дерике, имела задачу высадиться с воздуха над северной оконечностью острова Фальстер и захватить мосты, железнодорожный и автомобильный, через пролив, ведущие к столичному острову Зеландия, а заодно, и небольшой островок в этом проливе с артиллерийской батареей береговой обороны. Шли они без истребительного прикрытия, собираясь провести операцию неожиданно для королевства, «без шума и пыли». Не получилось. Их уже ждали.

Три десятка приземлившись на островке с береговой батареей бескровно пленили, открыв поверх голов еще не успевших добраться до своих оружейных контейнеров егерей-парашютистов прижимающий к земле перекрестный пулеметный огонь. Вооруженные одними пистолетами немцы (и то не все), бессмысленное геройство проявлять не стали и подняли руки.

Желающих захватить мосты встречали мотоциклисты с ручными мадсенами, установленными на колясках и группы самокатчиков с карабинами за спиной. Определив место приземления кучно расцветших в еще темном предрассветном небе белых шелковых парашютов, они успели подъехать и устроить им торжественную встречу с приветственным салютом. Одна небольшая группа десантников, правда, успела добраться до двух вожделенных контейнеров и разобрать карабины, автоматы и даже один пулемет. Их окружили и, хотя ручной пулемет Мадсена (первый в мире запущенный в серийное производство, разработанный еще в XIX веке

и слегка модернизированный в двадцатых годах) заметно уступал по большинству параметров прославившемуся в польскую компанию МГ-34, но значительный количественный перевес датских машингеров решил дело в скандинавскую пользу. Выжившие после короткой, но горячей перестрелки немцы благоразумно сдались на милость разгоряченным успешной (хотя и с потерями) схваткой победителям.

Еще горшая судьба ожидала корабли кригсмарине. В ночь перед «мирным» нападением Германии все четыре королевских минных заградителя работали не покладая своих винтов и машин. На еще днем безопасных судоходных фарватерах в мирных датских проливах, согласно заранее разработанному для такой ситуации плану, на дно были аккуратно поставлены якорные мины. Вышли в море и опустили на перископную глубину девять подводных лодок (две не смогли по причине незаконченного ремонта), были приведены в полную боевую готовность и выдвинулись на позиции два броненосца береговой обороны, пять миноносцев из шести, девять тральщиков; приготовилась морская авиация и артиллерийские форты береговой обороны.

Первыми были, мягко говоря, «неприятно удивлены» потенциальные «туристы» датского острова Фальстер (на котором до этого не повезло и парашютистам), посланные своим фюрером для «ознакомления с местными достопримечательностями» из-под козырьков низко надвинутых глубоких касок. Они, согласно плану, намеревались еще в четыре утра высадиться с двух гражданских паромов «Макленбург» и «Шверин», привычно курсировавших по маршруту Росток-Гесер на самую южную островную оконечность Датского королевства. Еще вчера немцы заменили на паромах датские команды своими военными моряками и загрузили в каюты и на палубы по полнокровному стрелковому батальону, усиленному броневиками и прочим сопутствующим тяжелым вооружением, включая полевую артиллерию, и даже легкий бронепоезд из четырех блиндированных пулеметно-пушечных вагонов и закованного в дополнительное железо паровоза.

В двух морских милях от пункта назначения под бортом первого парома оглушительно и ослепительно в предрассветной темени громынула удерживаемая на необходимой глубине своей тележкой морская мина. В широко разверзшийся относительно тонкий корпус судна бешеным потоком ринулась обжигающе холодная морская вода. Тяжело загруженный почти по самую ватерлинию паром все быстрее захлебывался забортной водой, все больше кренясь на разорванный борт. Спасательные шлюпки спустить не успели. Часть моряков и сухопутных пехотинцев, находящихся на верхней палубе, попрыгали в море (некоторые даже успели надеть спасательные жилеты), остальные не сумели выбраться с быстро опрокидывающегося судна. Паром лег на борт, немного «задумался» и, шумно выдохнув громадный воздушный пузырь, отправился на дно, затягивая в образовавшуюся широкую воронку большую часть барахтающихся на волнующейся морской поверхности людей.

Радист на пароме успел передать в эфир сообщение о взрыве под правым бортом. Капитан второго парома хотел было, не подходя близко, лечь в дрейф до выяснения обстоятельств и послать на разведку и спасение тонущих шлюпки, но командующий перевозимым на нем стрелковым батальоном майор Хенке, угрожая большим черным вальтером, настоял следовать дальше и не срывать график десантирования и эффект неожиданности. И паром следовал. До встречи, естественно, со следующей якорной смертью.

Результат был сходный. Дежурившим неподалеку двум королевским подводным лодкам даже добывать никого не пришлось. Немногих спасшихся моряков и солдат-пассажиров никто подбирать не спешил. Из двух полнокровных стрелковых батальонов, команды бронепоезда, артиллеристов и моряков на подручных средствах спаслось меньше десятка человек, и то вынужденных пристать к негостеприимному скандинавскому берегу и, дрожа от холода и ужаса после чудом миновавшей их смерти, сдать в плен. Большинство немцев опустили на дно,

захлебнувшись в черной ледяной воде; лишь несколько десятков замерзших трупов, удерживаемых на поверхности желтыми спасательными жилетами, безмолвно колыхались на черных волнах, жалобно белея оскаленными лицами.

Из порта Киль в широкий датский пролив Большой Бельт для захвата острова Фюн и находящегося напротив порта Корсёр, что на западном побережье столичного острова Зеландия, вышли суда уже непосредственно кригсмарине: не первой молодости броненосный корабль «Шлезвиг Гольдштейн», недавно успевший *доблестно* повоевать в польскую компанию, совершенно для себя безнаказанно бомбардируя из главного калибра стойко оборонявшийся неделю полуостров Вестерплатте; два транспорта с пехотой; учебный корабль «Клаус фон Беверн», тоже в качестве транспортника, и два идущих впереди тральщика.

Удивленным тральщикам, в принципе не ожидавшим встретить по курсу никаких минных заграждений, удалось оторвать своими опущенными подводными тралами несколько стоявших на глубине и всплывших круглых смертей, грозно растопырившихся на все стороны штырьками взрывателей, и проложить неширокий проход в минной линии. Небольшой настояжившийся караван судов медленно потянулся следом. Основная ударная сила – броненосец – шел сразу за тральщиками. Шел не долго. Стоявшие на перископной глубине в проливе две королевские подлодки, дали с близкого расстояния залп четырьмя торпедами в длинный борт «Гольдштейна».

Четыре хищных бело пенящихся отработанными газами струи, хоть и слабо, но просматриваемые даже в темноте через черную воду, протянулись ядовитыми щупальцами в его сторону. Уклониться медлительный крупнотоннажный броненосец не успевал – мощные взрывы трех угодивших в него торпед (четвертая прошла за кормой) открыли забортной воде быстрый доступ в его глубокий трюм; внутреннее разделение переборками судна не спасло. Правда, на плаву старенький броненосный корабль продержался чуть дольше паромов и даже успел зачем-то бессмысленно выстрелить по разу из 280-мм носовых башенных орудий главного калибра непонятно куда.

Капитан тонущего судна дал приказ команде спускать шлюпки, но было уже поздно: ледяная морская вода добралась до корабельных котлов, и один из них мощно взорвался, еще шире распахнув изнутри подводную обшивку. Тяжело набрякшая водой броненосная машина быстро скрылась под волнами, прихватив возникшим водоворотом и большую часть не успевших отплыть спасательных средств и барахтающихся людей.

Опасно поредевший германский караван застопорил ход и повел радиопереговоры с командованием: желание, во что бы то ни стало прорываться вперед, остыло – просили разрешения вернуться домой. В это время одна из подводных лодок, продолжая находиться на перископной глубине, пошла на перехват учебного судна, явно набитого войсками; а другая нацелилась на первый транспорт. Подойдя ближе, они пустили по одной торпедой им в борта – успешно попали обеими: суда стали с разной скоростью набирать забортную воду и погружаться; команды и перепуганные армейские «туристы» бросились спускать шлюпки и некоторые в этом спасательном деле преуспели.

Капитан уцелевшего транспорта, так и не получив разрешение на возвращение, самостоятельно решил высадить перевозимый им десант не в порту Корсёра, как планировалось и где их явно ждали, а где-нибудь южнее, пусть даже не на пирсе, а на неприспособленном для причаливания берегу с помощью шлюпок.

Но командование, находившееся на безопасном имперском берегу, было категорично: тральщики продолжают разминировать проход в проливе, транспорт с войсками движется за ними и причаливает в порту назначения. В противном случае, капитан корабля может самостоятельно прыгнуть с борта головой вниз, чтобы не утруждать своей трусливой личностью трибунал и расстрельную команду. И вообще. Что за паника? Они не одни участвуют в опе-

рации «Учения на Везере»: следом за ними, имея целью захватить уже норвежскую столицу Осло, движется следующая мощная и многочисленная группа кораблей.

Тральщики довольно успешно очистили проход в нешироком минном заграждении и три германских корабля на малом ходу двинулись к Корсёру. Подводные лодки за ними не гнались. Незачем было. Путь немцев, хочешь – не хочешь, пролегал мимо малоприметного форта береговой обороны. Каждый тральщик был вооружен 105-мм орудием и двумя 20-мм зенитными автоматами, не считая пулеметов винтовочного калибра. На транспорте установили только две 20-мм спарки. А скромный королевский форт береговой обороны располагал четырьмя пусть и давно устаревшими, но все еще мощными 280-мм орудиями, не считая мелкокалиберной мелочи для собственной защиты в ближнем бою, в том числе и зенитной.

Орудия форта зарядили заранее, расстояние до целей для их калибров было смешным. Серый встающий рассвет довольно сносно выделял силуэты германских кораблей на слегка колышущихся волнах пролива. Сперва выстрелило одно орудие – мощный белый султан воды высоко поднялся и рухнул вниз буквально в кабельтове перед носом транспорта. Наводчикам не пришлось вносить никаких поправок – корабль по инерции прошел это расстояние и два следующих орудия успешно поразили его борт невысоко над ватерлинией. Чуть повернув, бахнуло и четвертое – еще один трехсоткилограммовый снаряд разметал изнутри часть судна: гнулись и ломались шпангоуты; как бумага, рвалась тонкая стальная обшивка; разлетались и плюхались в воду разнесенные на кусочки люди и предметы; все больше свирепел зародившийся во множественных местах пожар.

На транспорте, стремясь выйти из-под огня, опять дали «полный вперед»; забегала уцелевшая команда и пассажиры в армейских шинелях, пытаясь сбить все больше распространяющееся пламя. Первое береговое орудие перезарядилось и, слегка повернув вправо, выпалило в уже прошедший мимо форта умирающий корабль. От взрыва четвертого датского «гостинца» детонировали собственные 105-мм гаубичные снаряды, перевозимые в трюме для сухопутной артиллерии. Вот как раз они-то, своей одновременно высвобожденной энергией, разметавшие значительную часть подводной обшивки, наиболее щедро пустили вовнутрь соленую воду и оказались «последней соломинкой, сломавшей спину верблюду». Помня быстрое затопление предыдущих кораблей каравана, капитан транспорта отдал запоздавший приказ: спустить шлюпки и всем покинуть судно.

Малую часть шлюпок успели спустить на воду, загрузить сверх нормы и даже отплыть от образовавшейся смертельно опасной воронки. Поначалу перегруженные шлюпки с утонувших кораблей взяли курс на северную оконечность острова Лангеллан, но когда в кабельтове перед ними мощно поднялся из воды высокий столб разрыва, а через короткое время – второй – замахали импровизированными белыми флагами, развернулись и послушно погребли в сторону Зеландии.

По тральщикам, продолжающим идти по проливу курсом на север, никто не стрелял. Они вышли, имея справа на траверзе порт Корсёр, между островами Зеландия и Фюн и не очень понимали, что им теперь делать. Согласно диспозиции, им надлежало прикрывать высадку пехотного отряда с учебного корабля на довольно крупный и густонаселенный остров Фюн для его захвата. Но учебный корабль уже лежал на дне пролива, а жалкие остатки спасшегося с него десантного отряда послушно гребли в противоположном направлении. На самих тральщиках тоже перевозились пехотинцы десанта, по одной роте. Их одних на штурм явно укрепленного датского порта послать?

Командование приказало тральщикам застопорить машины и дожидаться идущую следом мощную «норвежскую» группу кораблей: «карманный» линкор «Лютцов», тяжелый крейсер «Блюхер», легкий крейсер «Эмден», 3 миноносца, 8 тральщиков и 9 транспортов с 2000 человек в качестве десанта. Пушки стоящего на пути форта береговой обороны, скоро будут уничтожены уже поднявшимися в воздух самолетами люфтваффе.

Эскадрилья устаревших германских бипланов Хс-123 прибыла на место раньше подходящей «норвежской» корабельной группы. Уже рассвело, но северное солнце по-прежнему пряталось за сгустившимися на востоке облаками. Командир эскадрильи определил сверху кое-как различимое серым ранним утром месторасположение вражеских артиллерийских позиций; сделал широкий круг; удивился бездействию или отсутствию зенитного прикрытия и аккуратно спикировал на цель, освобождаясь от двух 50-тикилограммовых бомб на внешней подвеске. Ведомые «хеншели» последовали его примеру – вражеский форт заволокло дымом и поднятым грунтом, в густых черных клубах что-то горело и взрывалось.

Немцы спокойно, как на учениях, без вражеского противодействия, повторили заход и кучно высыпали на датчан оставшуюся бомбовую нагрузку. Сделали круг почета, убедились в своем неопровержимом успехе и сфотографировали результат для отчетности.

Через непродолжительное время с покачивающихся на невысоких волнах в ожидании «норвежской» группы уцелевших тральщиков заметили далекие многочисленные дымы приближающихся долгожданных родных кораблей кригсмарине. На тральщиках уже успели поразиться зрелищной бомбежке оставшегося позади датского форта, но какая-то настороженность у команд все равно присутствовала. И, как оказалось, не зря.

В это же время, но гораздо восточнее, в проливе Эресунн, омывающем столичный остров Зеландия с противоположной стороны, к своему месту назначения приближалась еще одна группа кораблей. Для захвата столицы Датского королевства, в отличие от Норвежского, немцы, очевидно не рассчитывающие на серьезное сопротивление, выделили гораздо более скромные силы: пассажирский теплоход «Ганзейский город Данциг», загруженный полнокровным пехотным батальоном; ледокол «Штеттин» и, в качестве огневой поддержки, всего два легковооруженных сторожевых корабля. Этот отряд, вышедший на день раньше, точно по графику подходил еще до рассвета к порту Копенгагена. Но дойти так и не смог: помешали пять 305-мм пушек форта Миддельгунд, что расположен на острове прямо напротив столичной гавани.

От мощнейших разрывов 400-килограммовых снарядов на дно быстро отправились все, кроме ледокола. Оставшийся в гордом одиночестве ледокол «Штеттин» поставил машину на «полный назад», чтобы побыстрее лечь в дрейф, и успел заменить на мачте флаг кригсмарине белой простыней первого помощника. Датчане его здравомыслящие намерения оценили и топить не стали. В скором времени вышел из гавани и приблизился к ледоколу королевский тральщик «Сторен». Тральщик, наведя на ледокол два орудия и зенитные 20-мм автоматы Мадсена, спустил на воду шлюпку, заполненную досмотровой командой. Датчан без удовольствия, но приняли на борт ледокола; немецкая команда угрюмо, но без сопротивления сдавалась и была заперта в собственный трюм. «Штеттин» уже под скандинавским управлением спокойно проследовал, куда до этого и намеревался – в столичную королевскую гавань.

Когда шедший первым в «норвежской» группе тяжелый крейсер «Блюхер» оказался прямо напротив буквально сровненного с землей и скалами все еще догорающего и густо клубящегося дымом форта, внезапно заговорили мощные пушки «уничтоженной» береговой батареи. Правда, немного не из того места, которое так успешно утюжили устаревшие «хеншели». Сперва одна, а за ней и три остальные. Этой ночью гарнизону форта вместе с присланным подкреплением резервистов удалось с помощью бревен, досок, брезента, краски и смекалки вполне удачно симитировать для разглядывающих их с большой высоты и на большой скорости пилотов люфтваффе свои артиллерийские позиции в полукилометре от настоящих. Настоящие же позиции вполне успешно прикрыли маскировочными сетками, тем же брезентом и размалевали под цвет окружающей местности уже другими красками. Обнаружить датскую

артиллерию немцы могли бы по вспышкам во время ее работы. Но когда прилетали «хеншели», корабли еще не подошли и пушки молчали.

Все четыре 300-килограммовых бронебойных снаряда попали в 200-метровый крейсер, с легкостью пробили его 80-мм броневой пояс и разорвались внутри, сея смерть и несопоставимые с плавучестью тяжелой махины разрушения. В принципе, при работе всех помп, при быстром задраивании поврежденных отсеков, «Блюхер» мог бы еще какое-то время продержаться на плаву. Он вполне мог бы огрызнуться ответным огнем своих 203-мм спаренных башенных орудий и даже приблизиться к берегу, чтобы сесть на мель и не затонуть, но один из датских «гостинцев» случайно подорвал носовой артиллерийский погреб для снарядов его главного калибра... Чуть ли не разорванный на две части крейсер пошел на дно почти моментально, прихватив с собой кроме 1600 человек команды и контр-адмирала Кумметца, командующего всей «ословской» группой, еще и больше восьми сотен сухопутных военнослужащих, включая двух генералов.

Шедший у него в кильватере «карманный» линкор «Лютцов» с немного меньшим водоизмещением, почти аналогичной броневой защитой и с шестью 280-мм орудиями главного калибра, расположенными по три в двух башнях, ответный огонь открыть успел. Пока на берегу перезаряжали свои длинноствольные морально устаревшие пушки, прикрытые скалами, многометровым бетоном и броневыми щитами, и наводили их на новую цель, «Лютцов» послал из носовой башни свой первый снаряд. Снаряд лег ниже датских позиций и лишь взметнул высоко вверх вместе с дымом от взорвавшегося тротила выбитую скальную породу. Остальные два снаряда легли ближе, тяжелые осколки одного из них даже пробили 50-мм броню щитового прикрытия и тяжело ранили двух канониров. Кормовая башня линкора тоже повернулась в сторону форта, но достать его пока еще не могла: мешали собственные надстройки.

К обстрелу ожившего форта присоединился и шедший в караване третьим бронепалубный крейсер «Эмден» (одноименный предшественник которого прославился успешным рейдерством еще в Великую войну), вооруженный десятью 105-мм орудиями, прикрытыми бронещитами. Шесть его скорострельных орудий, открыли мало результативную, но частую пальбу, засыпая пространство вокруг береговой батареи относительно легкими в этом сражении, всего лишь пудовыми, снарядами.

С чисто математической точки зрения, попасть из четырех неподвижных наземных орудий, представляющих собой относительно малоразмерные мишени, в движущуюся 200-метровую цель гораздо легче, чем наоборот. И датские канониры это в очередной раз подтвердили. После нескольких метких попаданий густо задымил и отнюдь не трубами «карманный» линкор; один из датских снарядов, легший ниже, чем рассчитывал наводчик выпустившего его орудия, реализовал заключенную в нем мощь гораздо удачнее, чем, если бы угодил в сам корабль. От близкого чрезмерного гидроудара буквально под самой кормой, напрочь заклинило рулевое управление, повредились оба винта, разошлась килевая обшивка, погнулся один из гребных валов. «Лютцов» еще продолжал по инерции двигаться вперед, но уже замедляясь с каждым кабельтовым.

Идущие в «норвежской» группе миноносцы ускорились и попытались догнать свои крупнотоннажные корабли, чтобы защитить их от возможной атаки подводных лодок. Не успели. Линкор атаковали уже утопившие сегодня три крупнотоннажных корабля, почувствовавшие вкус победы, остающиеся на перископной глубине королевские торпедоносцы. Стреляли между собой не согласованно: сперва одна лодка, из обоих кормовых аппаратов; следом – другая. Первые торпеды прошли перед носом, все медленнее движущегося корабля, но вторая пара свое отыграла. «Лютцова» не спасли ни двойной бронированный пояс, ни 40-мм броневые переборки в подводной части. От двух огромных близко расположенных пробоин, полученных в дополнение к предыдущим разрушениям, он стал, быстро набирая воду, крениться на правый борт. Его капитан приказал спускать шлюпки, но моряки не успели...

В дуэли с «карманным» линкором от близко разорвавшегося фугасного снаряда вышла из строя одна береговая пушка, большая часть ее комендоров была убита, ранена или контужена. Оставшиеся три, к этому времени уже тоже имевшие в своем составе по несколько выбывших из строя человек, хоть и слегка медленнее, но продолжали вести довольно удачно складывающийся для них бой. Теперь свои усилия они сосредоточили на последнем мощном в огневом плане немецком корабле – легком крейсере «Эмдене».

Но в небе опять загудели немецкие моторы – снова вызванная авиационная поддержка, в этот раз более мощная и состоящая из эскадрильи Ю-87, «Штук», заунывно и пугающе ревя сиренами на стойках неубирающихся шасси, сходу круто спикировала на реальные артиллерийские позиции. В этот раз далеко вылетающие из орудийных жерл яркие вспышки без вариантов указывали на цель. По «юнкерсам», промахиваясь, открыли огонь две уцелевшие 20-мм королевские зенитки. Позиции форта, в этот раз настоящие, полностью заволоклись дымом и поднятым в воздух грунтом и скальными обломками. Уничтоженные вместе с расчетами зенитки замолчали. В черных клубах кроме взрывов немецких бомб мощно пыхнул, еще больше разнося все вокруг и собственный датский снаряд, не успевший попасть в зарядную камеру длинноствольной пушки. С третьего захода немцы полностью освободились от бомб на внешней подвеске (одной 250-кг под фюзеляжем и четырех 50-кг под крыльями). Прострочив еще, на всякий случай, на четвертом заходе горяще-дымящее, закрытое густыми черными клубами месиво на месте королевского форта береговой обороны из пулеметов, удовлетворенные «Штуки», не понесшие никакого значимого ущерба, спокойно легли на обратный курс.

С катастрофическим опозданием на арене появились четыре датских истребителя морской авиации, устаревшие английские бипланы фирмы «Хоукер» под названием «Нимрод». Обладая скоростью меньшей, чем у монопланов «юнкерсов», «хоукеры» даже не смогли их догнать, не говоря уже о том, чтобы отомстить. Их командир решил хотя бы частично выместить гнев на плывущие внизу транспортники. Он повел свою четверку самолетов, вооруженных лишь парой синхронных, стреляющих через винт, пулеметов винтовочного калибра, на штурмовку следующего последним транспорта, с забитой солдатами и штабелями боеприпасов верхней палубой.

Навстречу заходящим для атаки медлительным бипланам протянулись множественные огненные трассы пулеметов и 20-мм зенитных автоматов, как с самого транспорта, так и со следующих неподалеку тральщиков. Первый самолет успел прострочить с небольшой высоты две близко проходящие частые строчки вдоль верхней палубы и даже подстрелил несколько не успевших отбежать с его пути зазевавшихся немцев; но и сам неудачно получил кроме множества незначительных пулевых пробоин малокалиберный снаряд в мотор. «Хоукер» загорелся и, уже не управляемый своим еще живым пилотом, рухнул. Но не в море, а прямо на палубу. Его гибель не была напрасной. Сам того не желая, он сначала врезался в штабель ящиков со 150-мм снарядами для тяжелых пехотных орудий и, хоть и не взорвал, но поджег его; затем пробил верхнюю палубу, потеряв при этом крылья и большую часть обшивки фюзеляжа, и чуть ли не одним пылающим мотором ворвался в бак с дизельным топливом. Полыхнуло изрядно. Разрушения корабля дополнили начавшие детонировать в загоревшихся ящиках на палубе крупнокалиберные снаряды. . . С быстро кренившегося на борт транспорта спасательные шлюпки спустить было уже совершенно невозможно; моряки и солдаты стали просто выпрыгивать за борт.

Лишившаяся командира тройка «хоукеров» отвернула в сторону и стала кружить на безопасном для себя расстоянии от поредевшего германского каравана.

Видя потопление одного за другим «старших», более сильных собратьев, крейсер «Эмден» сбавил обороты, давая нагоняющим его миноносцам приблизиться. Также пошла вперед и половина тральщиков, способных кроме траления еще и бороться своими глубинными бомбами с подводными лодками. Остальные четыре тральщика, разойдясь в стороны, остались охранять продолжающие идти вперед восемь транспортов с десантом для Осло.

Королевские подводные лодки, так удачно довершившие торпедами уничтожение «карманного» линкора, заметив в перископы приближение миноносцев и тральщиков, решили убраться подобра-поздорову. Они полностью скрылись под водой и взяли курс на юго-юго-восток, огибая этим маршрутом столичный остров Зеландию.

«Ословская» группа кораблей, больше не подвергающаяся обстрелу, изменив походный ордер, снова двинулась по широкому датскому проливу в пункт назначения. Впереди шел миноносец; за ним легкий крейсер, все еще слегка дымящий из неположенных мест, но уже с большей частью усмирненными командой пожарами; по бокам его – два тральщика; следом в кильватере двигались восемь уцелевших транспортов с миноносцами и тральщиками по бокам на параллельных курсах. Еще два тральщика, уцелевшие после уничтожения предыдущей немецкой группы, поджидали их впереди, готовые начать движение в авангарде.

Немецкие наблюдатели на транспортах вовремя заметили у себя справа на траверзе приближающийся с востока, явно чужой корабль, мощно и черно дымящий одинокой трубой. Судя по его скорости, не превышающей 15-ти узлов, полностью перехватить караван он не успевал, но отсечь последние три судна, а потом преследовать остальных в кильватере, – вполне. Длинная «ословская» группа шла, подстраиваясь под самый медлительный транспорт, на скорости 12 узлов проливом на север; уже идентифицированный чужак, оказавшийся флагманом королевского флота, датским броненосцем береговой обороны «Нильсом Юэлем», неумолимо сокращал расстояние с ней, сближаясь на перпендикулярном курсе.

Броненосец был относительно «молодой», всего лишь 1923 г. вступления в строй, да еще и недавно модернизированный. Его главный калибр, десять длинноствольных шестидюймовок патронного заряжания со скорострельностью каждой 7 выстрелов в минуту 46-кг снарядами, по иронии судьбы изготовила германская фирма «Крупп». Корабль обладал довольно современной системой управления огнем и главного калибра, и зенитным (включающей немецкие же дальнометы фирмы «Цейс»); система была дублирована, и броненосец был способен сосредоточить свою отнюдь не малую мощь одновременно по двум целям. От ответного вражеского огня датчанина защищал пояс американской брони толщиной от 155 до 195-мм, палуба и пушечные щиты – 50-мм.

Броненосец, продолжая сближаться, сделал два пристрелочных выстрела (второй лег меньше чем в двух кабельтовых от цели) и дал залп из главного калибра с расстояния уже трех миль. Сперва он сконцентрировал огонь восьми орудий, прикрытых броневыми щитами (его кормовые пока участвовать не могли) по идущему сбоку от транспортов миноносцу. И так почти семь раз в минуту. Учитывая, что в системе управления огнем было даже такое новшество, как гировертикаль, для компенсации качки, результаты оказались вполне даже впечатляющими и не замедлили сказаться.

Фугасные снаряды разрывали относительно тонкий миноносец, как игрушечный. Снаряды же трех германских могущих огрызаться с правого борта 105-мм орудий последнего даже при метком попадании не могли с такого расстояния пробить мощный броневой пояс и рубку «датчанина». Скоро весь миноносец заволокло жирным, высоко поднимающимся в серое небо дымом и он совсем перестал огрызаться. Остатки команды, не дожидаясь приказа капитана, просто спасаясь от пекущего огня и выедающего глаза и легкие дыма, прыгали за борт; ни одной целой шлюпки на корабле не осталось.

Для защиты каравана от королевского броненосца широким полукругом стал разворачиваться идущий впереди крейсер «Эмден». «Нильс Юэль», больше не отвлекаясь на сжигаемый внутренним огнем, исходящий клубами черной копоти миноносец, выбрал следующими целями идущих сбоку от транспортов два вооруженных, в том числе и пушками, тральщика. На их уничтожение ушло не больше пяти минут: один тральщик после мощного взрыва собственного минного погреба получил быстро увеличивающийся крен на корму и, задрав нос, почти вертикально пошел ко дну; а второй, уже загоревшийся, бросив медленные транспорты,

увеличил ход и попытался выйти из-под огня. Не успел. Еще три фугасных снаряда вдогонку спровоцировали серию взрывов у него на борту: тонуть тральщик пока не тонул, но ярко пылал и высоко клубил черным дымом.

Наконец открыл огонь по противнику развернувшийся легкий крейсер: пристрелочные снаряды аналогичного датскому броненосцу главного калибра легли с небольшим недолетом. Главный калибр у «немца» и «датчанина» был одинаков, количеством орудий немец отставал на два, но в бронировании неоспоримый перевес был за броненосцем. Походный ордер «ословской» группы растянулся и нарушился: транспорты, уцелевшие тральщики и два миноносца, уже не подстраиваясь под самого медленного, подняли пары и обороты машин до максимальных. Они спешили на север, стремясь поскорее выйти из-под удара грозного королевского флагмана.

Начавшаяся артиллерийская дуэль между «Эмденом» и «Нильсом Юэлем» закончилась быстро. На левом траверзе легкого крейсера всплыла на перископную глубину очередная, до этого не участвовавшая в бою, королевская подлодка и, можно сказать в упор, дала залп двумя торпедами. Две бело пенящихся из-под черной воды черты уткнулись в 155-ти метровый серый борт и мгновенно высвободили энергию трехсот килограмм взрывчатки каждая. При таких ранениях корабли долго не живут, даже крейсера. «Эмден» стал все быстрее крениться на разорванный борт, прекратил стрельбу и неожиданно для всех перевернулся вверх килем. Немногочисленные уцелевшие под обстрелом шлюпки спустить не успели – большинство команды так и осталось заперто внутри опрокинувшегося стального корпуса. Не успевший прекратить стрельбу броненосец добавил по обычно скрытому под водой крашенному красным суриком днищу еще полдесятка фугасных снарядов и крейсер, довольно быстро выпустивший из себя остатки воздушной подушки, еще державшей его на плаву, огромным чугунным утюгом пошел вниз.

Восемь транспортов остались практически беззащитными и могли рассчитывать (не все) лишь на свою скорость. Но тут спутала карты уже обрадовавшимся, было, датчанам вызванная по радиации авиаподдержка в составе уже двух эскадрилий: одной – истребителей Me-109 и второй – пикирующих бомбардировщиков Ю-87.

Флагман королевского флота, начав обстрел из главного калибра сразу двух транспортов и продолжая с ними сближаться на перпендикулярных курсах, направил против приближающихся самолетов все свою немногочисленную зенитную защиту: два 40-мм автоматических «бофорса», установленных неподалеку от трубы, и полдесятка пулеметов винтовочного калибра.

Первыми налетели «мессершмитты», они спикировали на огрызающийся огнем броненосец и поочередно густо прошлись по нему из двух синхронизированных фюзеляжных и двух крыльевых пулеметов каждый, стремясь подавить его противовоздушную оборону (по две крыльевых пушки на Me-109E вместо пулеметов в прошлой исторической реальности начали устанавливать только с июня, а вмонтированная на некоторых машинах мотор-пушка сильно перегревалась – ее убрали). Среди датской палубной команды появились убитые и раненые. Ответным огнем были повреждены два слишком опасно снизившихся «сто девярых»: один, задымив, лег на обратный курс, а второй, так и не выходя из пике, с красивым всплеском ушел под воду.

Впечатленная удачным потоплением боевых германских кораблей с самоубийственной храбростью бросилась на многократно превосходящие силы люфтваффе тройка все еще живых над проливом датских бипланов морской авиации. Устаревших «хоукеров», стремящихся атаковать более опасных для броненосца пикировщиков, успели перехватить «мессершмитты». Бой был изначально неравный. Очень скоро все три тихоходных биплана, вооруженных лишь двумя синхронизированными, стреляющими через винт, пулеметами каж-

дый, были сбиты немцами. Лишь одному датскому пилоту удалось выбраться с парашютом из загоревшейся машины и приводниться.

К броненосцу, продолжавшему довольно удачно громить беззащитные транспорты, приблизились «юнкерсы». Кроме встречного зенитного огня, капитан датского флагмана попытался защититься от воздушного налета, резко меняя курс и скорость неповоротливого тяжелого корабля. В какой-то мере ему это удалось: бомбы сброшенные пикировщиками с первого захода в сам корабль не попали – рвались в море, высоко вздымая белые султаны из черной воды. Разорвался на части при ударе о воду и один из Ю-87, с простреленным одной единственной встречной пулей мертвым пилотом в кабине.

Вернулись истребители и опять прошлись частыми пулеметными очередями по кораблю: в этот раз по-крупному досталось расчету правого среднего орудия, работавшему за полуоткрытым броневым щитом толщиной 50-мм, – от залетевших за него пуль вышли из строя два комендора, включая наводчика.

Броненосец, не перестававший уничтожать главным калибром практически безоружные ближайшие суда, добился очередного успеха: потерял ход, сплошь укутанный густым черным дымом немецкий пароход; сквозь высоко клубящуюся черноту огненно пыхали взрывы собственных перевозимых боеприпасов для десанта. Второй, тоже местами запылавший транспорт, дымил меньше, но все заметнее зарывался носовой частью в воду, уже выставив над волнами пошедшие на воздух в разнос винты.

Карусель самолетов над броненосцем продолжалась, теперь в ней участвовали только пикирующие Ю-87, а Ме-109 барражировали выше, не приближаясь к еще огрызающемуся зенитным огнем флагману и прикрывая свои корабли с безопасного для себя расстояния.

Совсем близко подошедший к германской потерявшей строй колонне «Нильс Юэль» пустил в ход торпедные аппараты. Две толсты «сигары» из четырех поразили свои цели – еще два транспорта получили смертельные для своей плавучести ранения и стали тонуть. Снова заход пикирующих «Штук» и снова бомбы легли за бортом. Правда, от близкого и сильного гидравлического удара вмялись и слегка разошлись в нескольких местах плиты подводного броневоего пояса и датчанин начал потихоньку набирать воду в угольные ямы. Но пущенные на полный ход помпы пока справлялись. При последней воздушной атаке немцы лишились еще одного пикировщика: взрывом 40-мм снаряда ему напрочь оторвало крыло и он, беспорядочно крутя бочку, вошел с высоким всплеском прямо в гостеприимно поднывающую ему навстречу волну.

У «юнкерсов» закончились бомбы на внешней подвеске, и они потянулись на домашний аэродром – пополнить боекомплект. Пущенная вдогонку со зла, без всякой надежды на попадание, пулеметная очередь случайно перебила заднему немцу трос рулевого управления, и он с заклинившим вправо рулем направления стал описывать неширокий круг. Попытавшись добиться более-менее прямого полета с помощью рулей высоты и подкрылков, немец неожиданно резко пошел вниз и врезался крылом в трубу собственного, уже получившего повреждения от снарядов броненосца, транспорта. Обломки пикировщика затонули, выбраться на поверхность экипаж не успел.

Больше никем не атакуемый «Нильс Юэль» плавно повернул в кильватер вразброд спешащим на север немцам, оставшийся за его кормой подраненный в том числе и собственным самолетом транспорт оказался под прицелом его двух кормовых и двух боковых орудий главного калибра – через несколько минут расколошмаченный с близкого расстояния пароход пылал и дымил всюду. Остальные орудия броненосца споро принялись опустошать свои артиллерийские погреба вдогонку трем впередиидущим немецким пароходам. Кроме этих транспортов от всей «норвежской» группы уцелели еще три миноносца и шесть тральщиков, которые дымили на всех парах, все больше увеличивая отрыв и от безжалостного толстокожего датчанина, и друг от друга.

Тихоходный броненосец догнать никого не мог, да и не стремился, но его кучно и часто бьющие фугасные снаряды из двух носовых и четырех бортовых орудий всю колошматили улепетьявающий перед ним в двух милях ближайший транспорт. Опять решили повоевать «мессершмитты»: они снизились и прошлись двумя волнами над королевским флагманом, безжалостно простреливая его вдоль от кормы до носа из пулеметов, стараясь выбить зенитчиков и комендоров главного калибра. Им удалось повредить один 40-мм «бофорс», убить и ранить нескольких зенитчиков и артиллеристов. При этом и одному пилоту люфтваффе пришлось выброситься с парашютом из загоревшейся машины. Не смену убитым и раненым датчанам поднялась сменная вахта, но одной зенитной пушкой с пробитым цилиндром тормоза отката пользоваться стало невозможно.

С фланга у растянувшегося немецкого каравана снова всплыли на перископную глубину датские подводные лодки. Одна лодка, выпустив единственную торпеду, добила изрядно расколошмаченный броненосцем, еле ползущий впереди него дымящийся транспорт. Другая атаковала еще не поврежденный спешащий в северном направлении пассажирский теплоход сразу из двух аппаратов. Но первая торпеда прошла у транспорта за кормой, а вторую героически перехватил, пожертвовав собой и командой, идущий сбоку тральщик. Тральщик от подводного взрыва раскололся чуть ли не две половины и моментально затонул, а спасенный теплоход, теряя при этом в скорости, пошел противоминным зигзагом.

В сторону едва виднеющихся над невысокими волнами датских перископов повернул еще один тральщик и развил полные обороты, стремясь или атаковать подлодки глубинными бомбами или, хотя бы, отогнать. Шуточки? Из вышедших для высадки в Осло девяти транспортов с 2000-ми человек пехоты, продолжали идти прежним курсом лишь два корабля. Остальные, кто еще не кормил рыб, уже никуда не двигались, а чадно догорали, дрейфуя по воле волн. И это не считая потерь в боевых кораблях, из которых на плаву остались только два миноносца и пять собратьев-тральщиков. А все больше отстающий королевский броненосец все бил и бил из своих страшных пушек по следующему на очереди транспорту, правда, все больше промахиваясь...

Подводные лодки, не дожидаясь встречи с серьезно настроенным тральщиком и его глубинными бомбами, втянули перископы, но убежать не стали. Они просто слегка опустились, добрав в бортовые цистерны морской воды, выключили электродвигатели и другое шумящее оборудование и совершенно пропали из наушников германского акустика. Тральщик еще с полмили прошел вперед в их направлении и лег в дрейф, дожидаясь, когда лодки снова начнут «звучать». Растянутый караван спешил вперед; с юга к одиноко болтающемуся на волнах тральщику неумолимо приближался грозный броненосец. Когда в двух кабельтовых от борта тральщика из темной воды поднялся белый султан пристрелочного снаряда, его капитан плюнул на затаившиеся где-то в проливе подлодки и быстрым зигзагом заспешил вслед уходящим товарищам.

Еще на рассвете германские бомбардировщики Хе-111 щедро усыпали столицу Дании листовками, обращенными к военным и гражданским жителям королевства, с убедительным требованием не сопротивляться солдатам Рейха. Мягкая оккупация, которая неминуемо ожидает датчан, производится исключительно для их же собственного блага и никаких неудобств им не принесет.

После кровавой, ломающей весь график операции, пробуксовки 170-й пехотной дивизии, наступающей на полуострове Ютландия; катастрофических неудач с захватом аэродромов и прочих парашютных десантов и почти полным совершенно неожиданным потоплением нацеленного на легкий захват проливов флота вместе с несколькими стрелковыми батальонами, на Копенгаген опять направились бомбардировщики. В этот раз без листовок. Три эскадрильи

Хе-111 с полутора тоннами фугасных и зажигательных бомб во вместительном чреве каждого самолета.

При подлете к столице им навстречу самоотверженно бросилась эскадрилья из семи датских «фоккеров» (построенных по голландской лицензии), машин маневренных, но небыстрых и слабо вооруженных всего лишь двумя 8-мм пулеметами. Упрямо продолжая считать, что датская авиация в полном составе все-таки разбомблена на своих аэродромах, три десятка «хейнкелей» шли без истребительного прикрытия.

«Фоккеры» храбро атаковали, стремясь не столько сбить, сколько рассеять в стороны, сбить с курса многочисленную вражью стаю и не дать им высыпать свой смертоносный груз на столицу королевства. Они атаковали почти на встречном курсе, где немцы могли им противопоставить только по одному пулемету такого же винтовочного калибра в носовой турели в руках у штурмана-бомбардира. Огненные трассы безвредно протянулись навстречу друг другу, и практически неповрежденные самолеты разошлись: бомбардировщики, сохраняя строй, следовали к своей цели, а немногим более быстрые истребители, поднявшись выше, дружно развернулись и атаковали их уже с хвоста. Задымил простреленным маслопроводом и отвалил в сторону один «фоккер»; поникли, прошитые пулями в своих креслах два верхних германских стрелка из МГ-15; загорелся правый двигатель у третьего бомбардировщика.

С двух заходов разогнать немецкий строй не получалось: эскадрильи упрямо следовали курсом на Копенгаген, пассивно отгоняя надоедливые истребители перекрещивающимися в сером небе желтыми трассирующими очередями. Датчане, опять развернувшись и зайдя со стороны верхней задней полусферы, слегка поменяли тактику: они уже не атаковали середину строя, а наваливались парой самолетов на один вражеский. Целили в крайних. Первый из пары двумя пулеметами стремился достать верхнего стрелка, а второй метил по одному из двух крыльевых двигателей. При неудачном первом заходе, сделав крутой разворот, датчане возвращались к этому же самолету.

Выбросился на парашюте из загоревшегося самолета датчанин, наконец-то отвернули с боевого маршрута сразу три бомбардировщика с простреленными черно за клубившимися моторами.

Получивший случайную пулю в голову сбоку пилот следующего «хейнкеля», навалившись всем телом на штурвал, невольно направил свой еще груженный бомбовоз к земле. Привычно расположившийся на время воздушного боя на лежанке из натянутого на рамку полотна за носовой турельной установкой штурман-бомбардир не успел добраться к мертвому товарищу и перехватить управление. Только нижнему стрелку-радисту, лежащему в подфюзеляжной гондоле за своим обращенным назад пулеметом, удалось вовремя распахнуть под собой люк, вывалиться наружу и даже раскрыть парашют. Его верхний коллега, сидевший на подвесном сиденье под самым потолком, спуститься в гондолу успел, успел даже покинуть неуправляемый бомбардировщик через уже открытый нижний люк. Вот только его парашют за неимением достаточной на тот момент высоты, даже раскрывшись, не успел в достаточной мере погасить скорость его соприкосновения с земной поверхностью...

Новый заход истребителей – под прицелом оказались не отвечающие огнем машины с уже тяжело ранеными или убитыми верхними стрелками. Правда, трассирующие очереди протянулись от соседних машин, но они были безрезультатны. Два беззащитных с верхней задней полусферы немца, атакованные каждый парой истребителей, дымя, пошли вниз.

Войдя в штопор, понесся к земле совершенно не дымящий «фоккер» с беспамятным пилотом; бомбовозы с одним горящим двигателем выходили из строя, разворачивались и, освободившись от внутреннего груза бомб куда придется, ложились на обратный курс, надеясь, добраться домой на «честном слове» и одном моторе. Датчане таких не преследовали: не было на это ни времени, ни уже заканчивающихся боеприпасов. И скоро у всех «фоккеров»

опустели «до последней железки» контейнеры для пулеметных лент. Ну, хоть открывай фонарь и стреляй по немцам из личного пистолета или ракетницы.

Командир королевской эскадрильи, поняв, что его пилоты сделали все возможное и по мере своих сил избавили столицу от десятков тонн, так и не сброшенных на нее бомб, здраво решил уходить обратно, чтобы не попасть под огонь собственных зениток, как он знал, защищающих Копенгаген. Он покачал крыльями, привлекая к себе внимание, и лег на обратный курс.

Но один из молодых дерзких летчиков, уже собираясь следовать за товарищами, заметил в верхней задней открытой кабине близко пролетающего мимо «хейнкеля» уткнувшегося в собственный пулемет окровавленного бортстрелка. Бомбовоз был совершенно беззащитен с хвоста, если не подставляться стрелку нижнему. И, не особо раздумывая, внезапно ощутив себя древним берсеркером, датчанин круто развернулся на вертикали, догнал врага, сбросил скорость и очень аккуратно врубился собственным винтом в хвостовое оперение немца. Потеряв остойчивость, немец моментально рухнул, вертясь подстреленной уткой, пока не взорвался ярким шаром, врезавшись в землю вместе с собственными бомбами; никто из экипажа выпрыгнуть так и не успел. Отважный датчанин выключил сразу пошедший в разнос мотор с погнувшимся выщербленным винтом и спокойно стал планировать, высматривая подходящее поле для приземления.

Несмотря на самоотверженность истребителей, почти два десятка «хейнкелей» все-таки достигли столицы Датского королевства. Преодолевая зенитное прикрытие, потеряв в частых клубящихся облачках разрывов 75-мм снарядов еще несколько машин, поредевшие эскадрильи Хе-111 открыли бомболоки и без всякой конкретики, на кого бог пошлет, выгрузили в небе над древним городом свой бесчеловечный, смерть и разрушения несущий груз.

Как игрушечные сыпались сверху вниз крепкие, построенные, казалось, на века каменные фасады одних многоэтажных домов, бесстыдно оголяя внутренности добропорядочных квартир; поднимая клубы пыли, складывались карточными домиками стены других, погребая под собой жителей, как успевших укрыться в подвалы, так и не воспринявших всерьез угрозу германского воздушного нападения. Жарко разгорались щедро засыпанные мелкими термитными бомбочками подоженные кварталы.

Безжалостно высыпавшие на мирный северный город свой зловещий груз «хейнкели» закрыли створки бомболоков, и облегчившиеся двухмоторные машины повернули домой. У добросовестно выполнивших боевое задание летчиков люфтваффе, наблюдавших под собой горящий и затянувшийся черным дымом чужой город, особой радости не наблюдалось: обратно их возвращалось гораздо меньше, чем поднялось в воздух и не все, как они понимали, их товарищи, развернувшиеся еще перед чертовым Копенгагеном из-за одного поврежденного мотора или другой неполадки, смогут вернуться на базу. Хорошенькое начало «Учений», нечего сказать.

Германское командование бессмысленной с военной точки зрения бомбежкой столицы Датского королевства хотело испугать бесчеловечностью современных боевых действий обывателей, короля и правительство и принудить их к скорейшей сдаче без сопротивления победоносному вермахту. Но эффект от разбойного налета получился прямо противоположный: столичные горожане, потерявшие под бомбами своих родных и знакомых, утратившие свое жилье и просто ставшие свидетелями изуверской и ни чем не спровоцированной бомбардировки, не испугались, а, напротив, озлобились против подлого нападения нацистской Германии. На мобилизационные пункты поспешили даже те, кто еще вчера не рвался сражаться с близкими арийскими «родственниками».

Король по-прежнему пребывал в непонятном беспомыслии (что от народа пока тщательно скрывалось). Принявший в сложившихся условиях всю полноту власти верховный главнокомандующий генерал Приор жесткой рукой распорядился на первых порах вполне даже

успешной защитой королевства. Откровенно высказывающим пораженческие взгляды членам парламента и правительства недвусмысленно предложили держать их при себе, если не хотят очутиться в тюремной камере или вообще у кирпичной стенки напротив расстрельной команды.

В отличие от частей и передовых подразделений 170-й пехотной дивизии застрявших и основательно поредевших и живой силой, и боевой техникой на нескольких шоссе, ведущих через германо-датскую границу на север, моторизованная колонна 11-й стрелковой бригады, наступающая по самому западному маршруту, сопротивления почти не встречала.

Слегка, как для проформы, безвредно пострелявшие из винтовок датские солдаты быстро и бесследно разбежались; присутствия пограничников на КПП вообще никто не заметил. Периодически, то из придорожного леса, то из-за каких-то нагромождений скал раздавались короткие очереди пулеметов Мадсена или разрозненная ружейная пальба. Но стоило немецким бронев автомобилям буквально сходу открыть ответный огонь, как перетрусившие потомки варягов бесследно испарялись за зелеными придорожными насаждениями. Ни закопанных, как на соседних шоссе, мин, ни артиллерийских засад из противотанковых 37-мм «бофорсов» или автоматических 20-мм «мадсенов», ни авианалетов пусть даже и устаревших самолетов. Наступайте на здоровье, господа германцы, милости просим, и не задерживайтесь в пути, не выбивайтесь из графика. Глядишь, и выйдете в намеченное планом операции время и к ближнему Выборгу, и к более дальнему Ольборгу, аэропорт в котором уже должны были занять ваши доблестные егеря-парашютисты.

И немецкая бригадная колонна, растянувшись на марше в тонкую линию, катила все вперед и вперед, постепенно, согласно плану, разделяясь. Первая рота откололась к западному побережью влево, чтобы занять молодой (всего 70 лет), но уже значимый для королевства портовый город Эсбьерг. Там, как оказалось, их уже ждали. Но не с хлебом и солью, и не с цветами. Вместе с регулярной армией взялись за оружие только вчера мобилизованные, но проходившие ранее военное обучение резервисты. Германская рота, рассчитывавшая на бескровный захват неподготовленного к обороне приморского города, попала в засаду на шоссе буквально в предместье Эсбьерга.

И тут уже все было примерно, как у их товарищей из соседней дивизии: и закопанные (в этот раз под щебенкой) на дороге фугасы, и пулеметы Мадсена, и этой же фирмы автоматические 20-мм пушки в противотанковом исполнении, и частые винтовочные залпы, и просто разрозненная ружейная пальба. Свою скромную лепту добавили в разгром германской роты и две 37-мм противотанковые пушки уже шведской фирмы «Бофорс».

Сперва взлетел вверх в огненной вспышке подорвавшийся на mine передовой пулеметный броневичок; остановился, простреленный короткой бронбойной очередью двухосный «хорх»; посыпались наружу из крытых грузовых «Опель-Блицев» расстреливаемые кинжальным огнем пехотинцы; не успела сняться с передков следующая в арьергарде батарея легких пехотных 75-мм короткоствольных пушек. Залегшие немцы сперва попробовали огрызаться: залегли между колес или в неглубоких кюветах, отстреливались. Один рьяный унтер-офицер даже попытался организовать контратаку и, под прикрытием своего в бешеном темпе заглатывающего ленту МГ-34, поднял отделение в атаку. Еще не участвовавшие в боях, но достойно вышколенные в процессе обучения солдаты, примкнули к карабинам системы Маузера плоские штыки, послушно поднялись, метнули промеж придорожных деревьев гранаты на длинных деревянных ручках, напоминающие картофельные толкушки, и дружно бросились вперед. Но за ближайшими деревьями уже никого не было, только свежие следы крови на примятой весенней траве: датчане на этом нешироком участке отступили вглубь леса, подобрав раненых.

К несчастью, рьяного унтера не поддержали соседи и, слегка углубившись в лесок, не видя врага, его запыхавшиеся солдаты постепенно останавливались; последними бежали три

тяжело нагруженных оружием и патронными коробками номера пулеметного расчета. Неожиданно справа длинно, буквально на весь торчащий сверху секторный магазин, заработал датский пулемет и сбил немецких «коллег», потерявших бдительность, на землю. Между деревьев скученно залегло все отделение, обеспокоенно всматриваясь по сторонам в поисках противника и с перепуга бестолково паля по сторонам. По множественным мелькающим вокруг вспышкам проявивший ненужную инициативу унтер понял, что завел своих солдат в окружение. И когда голос на вполне понятном немецком языке после длинной, прижимающей германские головы в касках к земле, очереди предложил, если хотят жить – сдаться; унтер долго не раздумывал и первым подал плохой пример своим подчиненным.

Постепенно, после получасовой изматывающей перестрелки, сдалась и потерявшая подбитыми все броневики, рота на шоссе. Разоруженных пленных под конвоем вчера мобилизованных солдат отправили в Эсбьерг, куда они так рьяно стремились сами.

В это время основные силы 11-й немецкой пехотной бригады неумолимо катили на север, не отвлекаясь на встречающиеся по пути населенные пункты. Сопротивления они по-прежнему нигде не встречали. До поры до времени не встречали. За небольшим городком Хольстебро, что на реке Сторо, бригада должна была опять разделиться: меньшая часть собиралась направиться через мост над фьордом, на северо-западное побережье, а большая часть – следовать в направлении на Виборг-Ольборг.

Но разделилась бригада немного по иному признаку: под следовавшими в первой половине колонны штабными машинами взлетел на воздух бетонный мост, разом практически обезглавив ее. С закрытых позиций открыли массированный огонь по южной части шоссе шестидюймовые королевские гаубицы. Успевшие перейти реку и вошедшие в город передовые подразделения немцев были атакованы с флангов выкаченными на прямую наводку противотанковыми «бофорсами», автоматическими малокалиберными «мадсенами» и массивным ружейно-пулеметным огнем. Все боковые улочки и проходы между заранее освобожденными от жителей домами были перегорожены. Избиваемые, хоть и мощно огрызающиеся за рекой немцы оказались в полуокружении, имея за спиной взорванный мост.

Еще не вошедшая в город большая часть пехотной бригады, растянувшаяся на несколько километров, вначале слегка сжалась, потом остановилась, рассыпалась в стороны и принялась организовывать круговую оборону. Тяжелые гаубичные снаряды рвались вдоль шоссе, постепенно смещаясь на юг: разносились в дребезги не успевшие съехать с дорожного полотна крытые трехтонные грузовики; горели несколько броневедомостей; жарко и высоко вспыхивали бензовозы, разлетались во все стороны траурным разноцветным фейерверком транспорты с боеприпасами.

Шоссе перед мостом несколько десятков километров шло практически по голым ровным полям, лишь кое-где перемежаясь редкими посадками, садами, ложбинками, небольшими хуторами, фермами или просто отдельными каменными и бревенчатыми постройками.

Немцы сняли с передков противотанковую и легкую полевую артиллерию, приготовили к стрельбе установленные в открытых кузовах грузовиков малочисленные зенитные 20-мм автоматы и поставленные на собранные в зенитном варианте станки пулеметы. Находящиеся где-то южнее две королевские минометные батареи тоже присоединились к артобстрелу шоссе; засевший на чердаке стоявшего в полукилометре от дороги двухэтажного дома корректировщик по полевому телефону давал поправки. Мощные разрывы тяжелых осколочно-фугасных мин прицельно накрыли тылы остановившейся немецкой бригады – арьергард тоже рассыпался в стороны и залег.

Немцы отправили мотоциклетную разведку на поперечные дороги – недалеко успевавшая отъехать разведка повсюду натывалась на засады и уничтожалась или отгонялась обратно. Лишь немногим удалось вернуться и рассказать, что проклятые датчане сторожат и там.

Прилетела спешно вызванная по радиации эскадрилья бипланов-штурмовиков Хс-123. Обрадованные немцы обозначили сигнальными ракетами свои позиции и предполагаемые опорные пункты датчан. «Хеншели», не встречая зенитного отпора притихших скандинавов, сперва покружили, высматривая цели и, пикируя на предполагаемые окопы и прочие места вражеского скопления, отбомбились 50-кг фугасками, перепугав еще не бывавших под бомбежкой и кадровых, и только мобилизованных солдат, но, так и не нанеся им значительного урона. Замаскированные минометные и артиллерийские позиции медлительные устаревшие самолеты большей частью так и не обнаружили: слышав приближающийся шум авиационных моторов, королевские канониры и минометчики, прикрытые и сетками, и кое-где ветками и молодыми свежесрубленными деревьями, на время просто прекращали вести огонь, не обнаруживая себя вспышками.

Облегчившиеся от бомб на внешней подвеске маломощные штурмовики повернули в сторону Фатерлянда; немцы снова, сконцентрировавшись, попытались было прорваться в нескольких направлениях. И снова, получив по зубам от защищающих свою землю датчан, откатились обратно. Ситуация сложилась, как с тем мужиком, который поймал медведя, но тащить его к товарищу не мог – медведь не пускал. Обложить то датчане немцев обложили, а разбить или пленить – не хватало сил. Но и немцы, в свою очередь, тоже не могли прорваться ни в какую сторону, встречая на всех дорогах упорное сопротивление.

Оторвавшиеся утром от преследования медлительного датского броненосца остатки «ословской» группы кораблей в составе двух миноносцев, семи тральщиков (в это число вошли и два уцелевших из эскорта почившего на дне германского броненосца «Шлезвига Гольштейна») и всего двух транспортников с меньше чем четвертью запланированного для столицы Норвегии десанта на борту, не подвергаясь больше торпедным атакам вражеских подлодок, прошли, наконец, весь пролив Большой Бельт и, слегка поменяв курс на северо-северо-восток, двинулись его продолжением, проливом Самсё-Бельт. На всем пути остатки каравана прикрывали барражирующие над ним и впереди по курсу две пары «мессершмиттов». Но у самолетов как раз заканчивалось топливо и, не дожидаясь смены, «сто девятые», помахав на прощанье крыльями, повернули обратно.

И тут, ну, надо же такому случиться, буквально в трех милях слева по курсу, из-за северной оконечности острова Самсё, черно дымя сгорающим в топках углем, скромно вышел на сцену второй датский броненосец береговой обороны, низко сидящий в воде чуть ли не по палубу «Педер Скрам». Этот корабль был старше королевского флагмана, слабее вооружен, но толще бронирован. Орудий главного калибра он имел всего два 240-мм, но расположены они были более защищено: в двух башнях с толщиной брони до 190-мм. Его средний калибр был представлен четырьмя казематными 150-мм пушками, расположенными по углам надстройки. На верхней палубе этой надстройки располагались восемь открытых 75-мм пушек, еще выше – зенитное вооружение, состоявшее из двух спарок 20-мм автоматов (аналогичных противотанковым, но на зенитных лафетах) и почти десятка пулеметов.

Броненосец огня не открывал, он просто шел и шел, уверенный в своей силе, перерезая дорогу германской группе. Корабли кригсмарине вынужденно сбавили ход и истерически затребовали воздушную поддержку. Сзади притормозивший караван хоть и медленно, но неумолимо настигал датский броненосный флагман. Первым открыл огонь всем бортом «Педер Скрам». Ударил он по шедшему к нему ближе всех миноносцу. Сперва перед узким германским носом легли высокими белыми всплесками два 150-мм пристрелочных снаряда, потом эти же казематные орудия, пристрелявшись, добились попадания в надстройку и борт немца, а тогда уже пришел черед и главного калибра обеих башен. Мощные разрывы 170-кг снарядов снесли, как и не бывало, боевую рубку миноносца вместе с носовым орудием и перед-

ней частью надстройки. Еще два сокрушающих залпа и бурно разгоревшийся корабль больше никакой опасности и ценности не представлял.

Броненосец, игнорируя более близкие и могущие слегка огрызаться носовыми орудиями тральщики, сконцентрировал огонь на первом транспорте. В его более крупный, да еще и белого, а не военно-морского шарового цвета силуэт попасть было легче, и «Педер Скрам» принялся громить бывший пассажирский теплоход сразу всем бортом. Второй миноносец храбро ринулся ему навстречу, наверное, мечтая приблизиться и произвести торпедную атаку. Тральщики и оба транспорта, в том числе и расстреливаемый, положили рули «право на борт» и попытались, пользуясь преимуществом в скорости, оторваться; обогнуть северо-восточную оконечность столичного острова Зеландия, мыс Гнибен, и в несколько раз более широким проливом Каттегат двинуться на север в сторону вожделенной Норвегии (хотя, что им там теперь делать таким ослабленным составом и фактически без огневой поддержки?).

Миноносцу на удачную дистанцию для торпедной атаки приблизиться не дали. Зачем рисковать? Транспорты с десантом, хоть и более важные цели, но далеко уже не уйдут. Куда они денутся? По второму и последнему в «ословской» группе миноносцу броненосный датчанин снова ударил всей бортовой мощностью, добавив еще и огонь четырех открыто стоящих на надстройке легких 75-мм пушек. Миноносец быстро потерял ход, густо зашелся жирными клубами с проблесками рыжих вспышек и, получив, в том числе и подводные пробоины, стал зарываться острым носом в волну, все сильнее погружаясь под воду.

«Педер Скрам» шел следом за улепетывающими, уже каждый сам за себя, немцами и продолжал осыпать снарядами все сильнее разгорающийся транспорт. Расстояние между ними постепенно увеличивалось, все большее количество тяжелых снарядов рвались, не причиняя теплоходу вреда, люфтваффе задерживались. Но на броненосце из-за все ухудшающейся результативности огня не переживали. Остатки немецкого каравана загоняли как диких зверей – деться им было просто не куда. Получив сигнал по радио, из-за мыса Гнибен, вышли, отрезая немцам дорогу, четыре датских миноносца; а из лежащей у кораблей кригсмарине по правому траверзу широкой бухты Сайерё-Бугт стали приближаться на дистанцию уверенной торпедной атаки на перископной глубине две подводные лодки.

На уже всю пылающий задний теплоход датчане торпеды тратить не стали. Первая подлодка выпустила две торпеды в еще не поврежденный транспорт, а вторая – одну в ближайший тральщик. После мощных подводных взрывов тонуть начали оба. Оставшиеся четыре тральщика, резко взяв «лево руля», попытались обойти датские миноносцы с правого борта и убежать от подводных торпедоносцев, но повернулись при этом бортами к хоть и медленно, но неумолимо приближающемуся «Педеру Скраму». И броненосец, прекратив обстрел пылающего транспорта, переключился на малотоннажные тральщики: мощные белые всплески вырастали вокруг улепетывающих на максимальных узлах кораблях. С другого борта немцев нагоняли более быстрые датские миноносцы, тоже открывшие огонь из носовых 87-мм орудий. Подводные лодки ввиду малой скорости в подводном положении в догонялках участвовать не стали. Капитану одной из них надоело ждать, когда самостоятельно пойдет на дно болтающийся неподалеку на волнах пылающий транспорт, и он, не спеша прицелившись, удачно выпустил торпеду, увеличив свой счет побед. Довольно скоро на вздымающейся невысокими волнами водной поверхности горело только широко растекшееся пятно топлива и какие-то обломки.

Два немецких тральщика были уничтожены, четыре оставшихся выбросили от безысходности белые флаги и решили сдаться. Но тут, к их радости, прилетели запоздавшие истребители Me-109. Эскадрилья. Следом, очевидно, стоило ожидать и «юнкерсы». «Мессершмитты» разделились: одна пара принялась за чересчур толстокожий для их 4-х пулеметов винтовочного калибра броненосец, норовя подавить его открыто расположенные зенитки для безопасности своих пикировщиков, а остальные набросились на миноносцы. Датчане яростно отбивались от налетевших стервятников: задымил и стал уходить со снижением один из «сто девярых», под-

битый над «Педером Скрамом»; закувыркался с перерезанным пушечной очередью крылом и с высоким всплеском вошел в черную воду другой, подстреленный влет миноносцами.

На броненосце тоже появились первые за время боя раненые и убитые, им на замену из недр корабля быстро взбежали по трапам товарищи; были потери и повреждения и на миноносцах, слегка отвлекшихся от обещавших капитулировать тральщиков. Тральщики, видя такую картину, решили повременить со сдачей: они на всякий случай, не спуская белые простыни, резко дали полный вперед, надеясь ускользнуть в стреляющей вокруг неразберихе. Но, на их беду, первый датский миноносец уже слишком близко успел к ним подобраться. Не переставая отстреливаться из 20-мм автоматов и пулеметов от атакующих на бреющем полете истребителей, он, можно даже сказать, и с облегчением, что не нужно заморачиваться возней с пленением, выпустил поочередно две торпеды.

Одна торпеда попала в скрытый под водой относительно короткий борт и, естественно, разнесла его на мелкие железные ошметки; вторая – промахнулась на полкабельтова и бесполезно утонула после замирания собственного двигателя. Характерно растопырившись неубирающимися шасси, «обутыми» в каплевидные обтекатели, к шапочному разбору прибыли «юнкерсы». Спасать уже было фактически не кого (три жалких тральщика, уцелевших от двух караванов) – так хоть отомстить неразумным датчанам, с берсеркерской неразумностью посягнувшим на доблестный германский флот.

Атакованные с воздуха королевские миноносцы отбивались не столько своим относительно слабым зенитным прикрытием, сколько резким маневром на максимальной скорости – продолжать охоту за тральщиками стало уже некогда – нужно было выживать самим. И оставшиеся без вражеского присмотра до отказа раскоцегаренные тральщики рванули на север, в многомильный по ширине простор пролива Каттегат. Разошедшиеся в стороны, виляющие с румба на румб, королевские миноносцы, не стреляя, все равно продолжали их преследовать, надеясь нагнать позже. А вот оба тяжелых броненосца береговой обороны вышли из неподобающей их малым скоростям гонки и только отбивались по мере сил от пикирующих сверху устрашающе завывающих сиренами «юнкерсов». После второго захода у пикировщиков закончился отнюдь не бесконечный запас бомб на внешней подвеске и они, досадно завывая в этот раз только натруженными моторами, убрались восвояси. Но не все. Два помеченных черными крестами самолета рухнули в воду; и только пилоту и стрелку одного из них удалось выпрыгнуть с парашютами. Повезло им не сильно: через время они насмерть замерзли, удерживаемые на поверхности моря желтыми спасательными жилетами. Еще один подраненный зенитками Ю-87 смог, сильно отстав от товарищей, вернуться на свой аэродром и разбился, уже приземляясь. Отвалил в сторону дома и задымивший перебитым маслопроводом «мессер». Когда двигатель окончательно заклинил, поняв, что не дотянет, – пилот мастерски, не опрокинувшись, приземлился на ровном поле острова Фюн, где без ненужного сопротивления и сдался сельским полицейским.

От близкого подводного взрыва бомбы полностью потерял ход и получил все увеличивающуюся на стыке обшивки течь один из королевских миноносцев. С помощью помп и заведенного снаружи парусинового пластыря держаться на воде он еще мог, но двигаться – уже нет. Когда улетели домой и «мессершмитты», к раненному товарищу подошел, бросив охоту за тральщиками, второй миноносец. При помощи спущенной на воду шлюпки он завел ему на нос буксирный конец и бережно повел в ближайший порт.

Остальные два миноносца, не опасно простреленные в нескольких местах, со слегка поредившими командами, что не сказывалось на их мореходных качествах, бросились за уходившими на север тремя тральщиками. Узлов миноносцы давали больше и расстояние между ними и более тихоходными судами кригсмарине постепенно сокращалось. Немцы, в надежде спастись, разошлись широким веером. Королевские корабли, напротив, решили действовать наверняка и устремились на расстоянии в четверть мили параллельно друг другу на ближай-

шую к ним цель. Сначала немцы пытались огрызаться из кормового 105-мм открыто стоящего орудия, но две 87-мм датские баковые пушки, в конце концов, задавили его сопротивление и разогнали уцелевших комендоров. Та же судьба постигла и расчеты двух 20-мм автоматов. Обезопасив себя с этой стороны, один из миноносцев вышел к загоняемой «дичи» сбоку на дистанцию удачной атаки и пустил во вражеский борт торпеду.

Одной торпеды немцу вполне хватило, и оба миноносца слаженно повернули ко второй цели. На оставшихся тральщиках весь короткий бой прекрасно рассмотрели, можно сказать, в подробностях и повторять судьбу товарищей не захотели. На флагштоках мачт опять взвились давешние белые простыни, во второй раз заменив спущенные флаги кригсмарине. Два миноносца на два тральщика. Датские экипажи лишь не на много превышают немецкие. Но у немцев еще и пехотный десант на каждом борту. Артиллерия у немцев сильнее. Датчане выигрывают только в скорости и торпедных аппаратах. Высаживать призовые партии – занятие крайне рискованное, можно и самим к хозяевам кораблей в плен угодить. Привести в свой порт два германских трофея, конечно, почетно, но удастся ли? И датчане здраво решили не рисковать. Сигнальщики, быстро хлопая створками прожектора, передали немцам приказ: обоим тральщикам стать в кильватер друг другу, остановить машины, лечь в дрейф, построить команды на палубе и под страхом немедленного потопления не приближаться к орудиям и пулеметам.

Немцы выполнили. Миноносцы подошли ближе и демонстративно навели им с близкого расстояния в борта торпедные аппараты. После этого датчане велели спустить на воду шлюпки и всем до единого пересечь в них, не беря с собой оружия. Послушные немцы выполнили и это. Набитые битком моряками и солдатами десанта шлюпки, грузно и довольно низко осели в волнующуюся воду. Как только шлюпки отошли от своих кораблей на достаточное расстояние, миноносцы неожиданно выпустили в борта тральщиков по торпедке. На шлюпках возмущенно загалдели.

Пока разломанные мощными подводными взрывами тральщики тонули, датчане поняли возмущение немцев, приготовивших подвох: на задирающиеся вверх палубы кораблей выбиравались из неглубоких недр притаившиеся там моряки и пехотинцы, по всей видимости, собиравшиеся пленить или уничтожить призовые партии датчан. Подвох не получился. Но подлость (или, с точки зрения немцев, военную хитрость) датчане не простили. Сколько можно? То тральщики поднимают белый флаг, то убегают. Потом снова поднимают, но собираются исподтишка напасть. Хватит. Опять же, комендорам лишний раз в боевой стрельбе попрактиковаться – очень даже полезно будет. С расстояния буквально трех кабельтовых 87-мм орудия миноносцев открыли огонь по шлюпкам. При метком попадании в воздухе разлетались деревянные обломки, длинные весла и куски разорванных тел; если промахнувшийся снаряд рвался рядом – шлюпка просто опрокидывалась или, залитая водой, тонула – черная поверхность пролива густо покрылась головами, торчащими (кому хватило) из желтых спасательных жилетов. Пловцов не расстреливали, хотя у датских пулеметчиков руки на гашетках и чесались – все равно скоро замерзнут. Насмерть замерзнут.

А столица соседнего тоже скандинавского королевства, Осло, может теперь хоть отчасти спать спокойно – штурмовать ее с моря и высаживать двухтысячный десант пока не кому. Благодаря их южной соседке Дании не кому...

5. Негостеприимные фьорды.

Атаковать Норвегию намеревалась не только одна успешно потопленная соседями-датчанами в своих проливах многочисленная группа кораблей кригсмарине. Для «Учений на Везере» Гитлер рискнул выделить чуть ли не весь свой военно-морской и торговый флот, разделив его на два эшелона. Первый эшелон состоял сплошь из тихоходных транспортных кораблей, нагруженных тяжелым вооружением, боеприпасами, снаряжением (включая топливо) и продовольствием. Эти корабли, прикидываясь гражданскими грузовыми пароходами (какими они, в принципе, и были), вышли в море загодя, за шесть суток, и неторопливо двинулись на север, вдоль западного побережья Норвегии, постепенно разделяясь на группы, нацеленные каждая к своему порту назначения. Прибывшие заранее транспорты должны были спокойно дрейфовать вдали от берега и ждать прибытия второго эшелона – десантно-боевого.

Второй эшелон состоял из более быстроходных боевых судов кригсмарине и в свою очередь делился на шесть групп. В зависимости от пункта назначения, группы выходили из германских портов за трое суток или меньше. Первые две группы, нацеленные на самые северные порты Нарвик и Тронхейм, имели самый длинный маршрут и вышли первыми, вместе. Третья группа должна была овладеть Бергенем, четвертая – Кристиансанном и Арендалем, пятая – Осло, а самая малочисленная, шестая – Эгерсунном. Еще раньше в те края выдвинулись подводные лодки. Поддерживать быстрое овладение Норвегией должны были самолеты люфтваффе, причем вылет многих из них планировался уже с предварительно захваченных датских аэродромов. Единственные, кому воздушная поддержка в связи с дальностью перелета при первом штурме не планировалась, были первые две группы кораблей. Они могли рассчитывать исключительно на свои собственные силы.

Но «Учения на Везере» у Германии не заладились не только в Дании, но и в этом, более северном, и более гористом королевстве. И 56-летний король норвежский Хокон VII был более патриотичным и энергичным (это его спасло от «неведомой» болезни, скосившей южного собрата); и премьер-министр Нюгордсволь не мечтал вместе со всем правительством лечь под Гитлера; и даже более осторожный, чем они, командующий сухопутной армией генерал-лейтенант Кристиан Локе, должный в случае войны стать верховным главнокомандующим, тоже не жаждал капитулировать без борьбы.

Взять контроль над норвежской фельдъегерской службой агентам иностранного отдела НКВД не удалось, но зато удалось заранее добиться доверия высокопоставленного неприметного подполковника из контрразведки. Подполковник поначалу скептически отнесся к предоставленному ему рано утром 7 апреля знакомым британским (как он искренне полагал) джентльменом из МИ-6 германскому плану по захвату двух скандинавских королевств. Но он кардинально поменял свое мнение, узнав из собственных доверенных источников о массовом поочередном выходе в море многочисленных германских караванов из северных портов. Подполковнику, в свою очередь, довольно быстро поверили по цепочке и в верхних эшелонах власти, вплоть до короля. Мозаика уверенно складывалась в нужную картинку и Норвегия, стараясь внешне не афишировать, стала готовиться к решительному отпору. А отпираться, хотя бы на первое время, до, как надеялись, обязательной помощи заинтересованных британцев, у них вполне было чем.

Линейные части королевских сухопутных войск в мирное время состояли из шести не полных дивизий общим составом 15500 человек. Комплектовались они по минимуму: имели в кадровом составе только офицеров и унтер-офицеров, а большинство нижних чинов – были призванные на обязательную воинскую службу для обучения не дольше чем на три месяца молодые срочники. И лишь несколько рот на всю армию были полностью укомплектованы опытными, искренне любящими свою армейскую профессию, добровольцами. В военное

время предполагалось развернуть сухопутные войска до 50000 за счет уже прошедших обучение резервистов. Уже с утра без лишнего шума и суеты начали так называемую «тихую» мобилизацию (по телефону, с помощью курьеров и по почте). Призывали и военнослужащих возрастом 18-29 лет в линейные части, и более старшие возраста 30-41 год во вспомогательные части ландсверна. Следующие по старшинству, мужчины возрастом 42-55 лет, предназначались частям ландштурма, но, чтобы не создавать излишние столпотворения, их призыв отложили на несколько дней.

Чтобы заранее обезопаситься от прогермански настроенной пятой колонны, в ночь с 7-го на 8-е апреля по стране прокатилась почти одновременная волна арестов. Тепленькими, преимущественно в собственных постелях (а некоторых и на койках в казармах), брали не скрывающих свою принадлежность членов норвежской партии нацистского толка «Национальное единение». Аресты проводила полиция совместно с поднятыми по тревоге линейными армейскими подразделениями. Фюрер партии, Видкун Квислинг, и его заместители по личному устному распоряжению премьер-министра были застрелены «при попытке к бегству».

Одновременно и гордые бритты, не знавшие, что норвежцы предупреждены о германском вторжении «английским» джентльменом, получили от своих норвежских (да и датских) агентов, достойные доверия сообщения о происходящем в Скандинавии. Британцы, и сами лелеющие планы захватить под благовидным предлогом норвежское побережье для противодействия Германии в Северном море, еще с 7 апреля держали неподалеку от Нарвика, возле Лофотенских островов, мощную группировку из 12 эсминцев и их боевой поддержки: тяжеловооруженного линейного крейсера «Ринаун» с шестью, расположенными в двух башнях орудиями калибром 381-мм. Британские самолеты морской авиации тоже заметили вышедшие из германских портов многочисленные группы кораблей. Но в британском адмиралтействе сначала посчитали, что немцы планируют прорыв в Атлантику. Лишь после скандинавских *достоверных* сообщений и налаживания официальных контактов с норвежцами, английская флотилия получила приказ: двинуться на юго-запад навстречу кригсмарине.

В сопровождении собственных миноносцев вышли в широченный Вест-фьорд, скорее похожий на огромную бухту, из узеньких и высоких скалистых фьордов вблизи Нарвика и два норвежских однотипных броненосца береговой обороны: «Эйдсволль» и «Норге»; хоть и уставших и тихоходных, но достаточно серьезно вооруженных двумя 208-мм башенными орудиями, четырьмя казематными 150-мм и еще двумя аналогичного калибра, но открыто расположенными по бокам надстройки.

Еще две многочисленные британские эскадры аврально готовились к отплытию из мест своей постоянной дислокации на островах: в Скапа-Флоу и Росайте.

С началом войны в Европе Норвегия около полусотни своих рыболовных и китобойных суденышек на всякий случай переоборудовала в сторожевые корабли, снабдив их скорострельными пушками небольших калибров и пулеметами. Уже со второй половины дня 8 апреля с этих сторожевиков по радио стали поступать сообщения о появившихся в нейтральных водах вблизи побережья, а особенно вблизи крупных портов, странных пароходов сомнительной государственной принадлежности. Большинство этих грузовых пароходов несли на мачте британский флаг, «Юнион Джек», но на запросы или не отвечали, или отвечали невразумительно, никуда не шли и спокойно дрейфовали на легких волнах, иногда подрабатывая машинами, и явно чего-то ждали. Нейтральная Норвегия не захотела первой нарушать еще существующие международные законы судоходства и высаживать досмотровые партии на непонятные транспорты остереглась.

Другое дело англичане, уже воевавшие с немцами, во всяком случае, на море. Получив тревожные сведения от норвежцев и связавшись по радио с собственным адмиралтейством, они уверились в явно чужой принадлежности дрейфующих пароходов и решили разобраться. Через пару часов хода три британских эсминца приблизились, построившись полукругом, к

двум непонятым пароходам с английскими флагами на мачтах, бесцельно дрейфующими в нейтральных водах к западу от группы фьордов, окружающих Нарвик. На запросы по радио пароходы не отвечали, на сигналы прожектором ответили, что не понимают, не могут их разобрать.

Тогда головной эсминец «Харди» дал предупредительный выстрел из носового 120-мм орудия. Неглубокий подводный разрыв 22-кг снаряда вырос красивым белопенным кустом в половине кабельтова перед носом ближайшего парохода. С эсминца просемафорили, что ровно через 10 минут они произведут торпедную атаку кораблей. Командам разрешается спустить шлюпки и покинуть суда. При малейшей попытке скрыться – потоплены будут оба. Немедленно и вместе с экипажами. На пароходах сразу же прозрели и стали разбирать сигналы. Они тоже ответили прожектором, что у них сугубо гражданские торговые суда, приписанные к портам Великобритании, и они имеют на борту груз, предназначенный для выгрузки в порту Нарвика, для его дальнейшего следования в Швецию по железной дороге.

В ответ им передали, что согласно сведениям адмиралтейства ни один британский торговый пароход не должен сейчас находиться вблизи Нарвика, и до торпедной атаки осталось уже меньше восьми минут.

Вовсю тянущие время пароходы сообщили, что они, хоть и имеют британскую приписку, но груз доставили из Канады. Поэтому в британском адмиралтействе могут и не иметь точных сведений об их маршруте. В ответ на приказ принять досмотровую партию, просигналили, что из-за усилившегося волнения моря, опасаются за безопасность высадки этой партии к ним на борт. С «Харди» напомнили пароходам, что осталось уже пять минут...

Шлюпки по-прежнему никто не спускал; эсминцы подошли ближе и демонстративно развернули в борта непонятных транспортов палубные четырехтрубные торпедные аппараты. Когда время ультиматума истекло, капитан «Харди» Уорбертон-Ли спокойно отдал приказ, и на воду плюхнулась пятиметровым брюхом первая выброшенная пороховым зарядом «сигара» с 400-ми килограммами тротила в боевой части. Подводный пенистый след без вариантов устремился в круто поднимающийся над водой черный борт. На пароходе запоздало забегали перепуганные матросы, но ни увильнуть маневром, ни спустить шлюпки, времени уже не оставалось. Вспученный мощный взрыв, дополненный последующей детонацией, очевидно, перевозимых боеприпасов. Переломившийся почти посередине транспорт, не задерживаясь, устремился на дно. Через непродолжительное время на поверхности моря в возникшем водовороте остались только несколько десятков моряков в окружении плавающих обломков.

Детонация в трюме подбитого парохода только уверила капитана эсминца в правильности торпедной атаки. Со второго парохода усиленно сигнализировали, что они сдаются и спускают шлюпки. Уорбертон-Ли помедлил с приказом на второй торпедный выстрел и приказал сигнальщику еще раз спросить о государственной принадлежности и перевозимом грузе. После короткой заминки с парохода просигналили уже о бельгийской принадлежности и сообщили о перевозке нефти и неких металлоизделий для шведских заводов.

Ответ капитану не понравился и он, не дожидаясь спуска шлюпок, приказал выпустить вторую торпеду. Второй подводный взрыв дополнительную детонацию не вызвал. Зато он выпустил из трюмных танков и воспламенил действительно перевозимую там нефть. Второй пароход затонул, как и первый, но широко разлившаяся из него загоревшаяся нефть не оставила никаких шансов на выживание сумевшим выпрыгнуть в воду морякам. Пылающее пятно, постепенно увеличиваясь, растеклось до барахтавшихся на поверхности остатков первой команды – жуткой смертью погибли и они. Британского капитана совесть не мучила. Совершенно. То, что это действительно были германские транспорты с боеприпасами и топливом, теперь сомнений не вызывало. Ни малейших. А то, что немцы сразу не согласились, как им было вежливо предложено, покинуть свои пароходы и пересечь в шлюпки; напротив,

темнили и всячески тянули время, – так капитан флота Его Величества Короля Георга VI Уорбертон-Ли за это ответственности не несет. Ни малейшей...

Британские эсминцы обошли стороной все еще пылающее место справедливой, по их мнению, расправы и продолжили путь вдоль норвежского побережья курсом на юго-запад: в нейтральных водах поблизости от фьорда, ведущего в порт Тронхейм, бывшие китобои заметили еще три подозрительных судна. Правда, ходу до них было больше трехсот морских миль, что могло занять, если идти не на полных парах, часов 12-15.

Следом за первой тройкой британских эсминцев тем же курсом, но уже значительно мористее шли и остальные девять их собратьев с флагманским линейным крейсером «Ринаун» позади. Когда на море постепенно опустилась темнота, эсминцы первой и второй группы разошлись на расстояние в несколько миль друг от друга и слегка сбавили ход. Периодически на эсминцах включали прожектора и обшаривали все больше и больше волнуемое море.

Около полуночи вахтенные на идущем западнее всех эсминце заметили в нескольких милях по курсу прыгающий на волнах невысокий дымящий силуэт; предупредили по радио командира группы и, положив «право руля», стали обходить неизвестный корабль с правого борта. Еще два эсминца тоже положили рули вправо и пошли на сближение, не пользуясь прожекторами. На встречном судне в свою очередь заметили чужой источник прожекторного света, быстро потухший, и сбавили обороты.

Все дело одним подпортила, а другим подправила совершенно неожиданно показавшаяся из-под разошедшихся низких облаков луна. Нацелившиеся на перехват неизвестного корабля три английских эсминца, едва сами не оказались в роли дичи. Неизвестный корабль теперь очень хорошо определился по своему силуэту, как эсминец. Его британская принадлежность, по сведениям адмиралтейства, исключалась. Он мог бы быть норвежцем, но в кильватере за ним переваливалась по вздымающимся все выше волнам целая колонна, в том числе и два гораздо более мощных судна, судя по габаритам и оснастке, – линкоры, которыми северное королевство не располагало. Это уж, безусловно.

Немцы тоже заметили идущие встречным курсом ближе к побережью растянувшиеся в редкую цепочку корабли. Рассмотреть флаги лишь при тусклом свете луны у них не получалось. Это могли быть, как англичане, с которыми уже шла война; так и норвежцы, с которыми до утра категорически было приказано поддерживать мир. Поэтому открывать первыми огонь немцы не спешили.

На дюжину британских эсминцев и линейный, не первой молодости, крейсер «Ринаун» совершенно не вовремя, в нарушении плана «Учений на Везере», напоролась первая группа из второго эшелона кригсмарине, нацеленная на, можно сказать, главную цель всей операции, порт Нарвик. Германская группа состояла из 10 эсминцев с десантом в количестве 200 горных егерей на каждом и мощного огневого прикрытия: очень даже современных линкоров-близнецов «Шарнхорста» и «Гнейзенау». Еще к группе относились четыре подводных лодки, но они, в связи с малой скоростью, вышли заранее и уже должны были караулить где-то впереди, неподалеку от пункта назначения.

Главный калибр германских линкоров был помельче, чем у единственного «британца», но они выигрывали количеством: на каждом линкоре было по три (две носовых и одна кормовая) башни с тремя 283-мм орудиями (против 381-мм двухорудийных башен «Ринауна»), по четыре башни с двумя 150-мм и по две с тем же калибром, но прикрытых щитами (против шести английских 102-мм трехорудийных башен) и многочисленное разнообразное зенитное вооружение (в этом старичок-«британец» отставал вообще катастрофически).

Сильнее британских были и германские эсминцы. Они опережали соперников и в калибре артиллерии (127-мм против 120-мм), и в количестве пушек на судне (пять против четырех; правда, за исключением головного «Харди», у него их имелось тоже пять), и на два с половиной узла в максимальной скорости.

Немцы попробовали было, как ни в чем не бывало, следовать прежним курсом, но англичане, повернув вправо «все вдруг» пошли явно на перехват. После того, как ближайший к немцам английский эсминец с расстояния уже меньше мили выпалил из носового орудия (и, сам не ожидая такой удачи, случайно угодил первым же снарядом в надстройку вражескому судну), корабли кригсмарине притворяться нейтральным караваном перестали – началась всеобщая свалка к которой, по мере сближения, подключались все новые и новые участники.

В блеклом свете луны со всех сторон ярко и длинно вспыхивали на концах оружейных дул злые языки рыжего пламени; тускло белели поднимавшиеся на короткое время над колышущимся черным морем всплески подводных взрывов не попавших в цель снарядов. Радостно лопались ослепительными вспышками на темных силуэтах удачные попадания. Эсминцы обеих сторон и сближались, паля из всех орудий, на встречных курсах; и заходили для фланговой атаки противнику в борт; и пускали торпеды; и сами улепетывали противоминным зигзагом на максимальных узлах. Подбитые дрейфовали, потеряв ход; взлетали вверх от взрыва собственного артиллерийского погреба; разламывались, чуть ли не пополам ткнувшимися в подводную часть борта 400-кг тротила на конце пятиметровой «сигары»; просто потихоньку тонули без особых огненных «спецэффектов» от многочисленных пробоин ниже ватерлинии, с которыми не справлялись помпы; сталкивались бортами и форштевнями, разрезая или подминая друг друга...

Не вовремя осветившая волнуемое море луна, можно сказать, спустившая курок этой сумбурной ожесточенной схватке, периодически скрывалась за набегающими облаками, и тогда всем участникам приходилось ориентироваться только по встречным вспышкам. Естественно, случались и досадные, смертельные для кого-то, ошибки, когда, не разобравшись в темноте, комендоры палили в собственные корабли. Торпеды, пущенные в такой тесной кутерьме, бывало, проходили мимо предназначенной им вражеской цели, которая (оказывается) двигалась не совсем тем курсом и с той скоростью, как рассчитывал наводчик; и рвались под бортом у своих...

Постепенно получившие тяжелые повреждения, но не потерявшие плавучесть и ход корабли стали покидать место схватки и растягиваться в разные стороны. Луна все реже осчастливливала своим присутствием и тусклым светом место морского боя. Корабли связывались друг с другом по радио (у кого оно еще работало) и ориентировались по качающимся на волнах факелам догорающих судов своих и чужих. Волнение на море к вечеру еще больше усилилось: некоторые сильно поврежденные эсминцы и спущенные на воду шлюпки, которые при штиле могли бы еще держаться на поверхности и держаться, захлестывались волнами и раньше времени шли на дно. Артиллерийские выстрелы раздавались все реже: по несколько раз перестроившиеся корабли уже поняли, что в такой темноте запросто могут попасть по своим. Пользоваться прожекторами перестали: и себя ими прекрасно обнаруживали, а не только картину вокруг высвечивали; и товарищей на радость врагу, бывало, во всей красе освещали; да и сами прожекторы сохранились в работоспособном состоянии далеко не у всех.

Уцелевшие британские эсминцы, как побитые цыплята к маме-квочке, стягивались к своему оставшемуся на плаву линейному крейсеру. Устаревший «Ринау», начавший свой боевой путь еще во время Великой войны, это сражение выдержал с честью. Конечно, он получил больше десятка попаданий германских снарядов, в том числе и самых крупных, 283-мм; имел в команде убитых и раненых; повреждения вышки, кожуха одной из труб, надстроек и палубы; пробитые и вогнутые (но не разошедшиеся по швам) броневые листы; но ничего особо серьезного, нарушающего плавучесть, ход (пусть даже и с меньшей скоростью) и управление не произошло. Целыми и вполне боеспособными остались у него и башни главного калибра, и большинство, кроме одной трехорудийной, среднего. Правда, по полной досталось и так немногочисленным открыто расположенным средствам ПВО. Одна надежда: люфтваффе сюда не достают – слишком далеко. Во всяком случае, пока, – если не захватят аэродромы где-нибудь

поближе: в соседней Дании или на юге Норвегии. А так – хоть прямо сейчас обратно в бой, распевая во всю глотку: «Правь Британия морями...»...

Британским эсминцам пришлось тяжелее. Гораздо. Из дюжины кораблей, вступивших в бой, на волнующейся поверхности Северного моря сейчас оставались лишь восемь. И то, два из них не то, что сражаться, – даже передвигаться самостоятельно не могли. На плаву держались – уже удача. Британцы попробовали было спустить шлюпки и заняться спасением болтающихся на волнах своих и чужих моряков, но деревянные шлюпки жестоко било о железные борта, захлестывало и переворачивало разбушевавшееся море. Командир флагманского крейсера адмирал Уитфорд приказал прекратить спасательные операции: спасти тонущих товарищей, рискуя собственной жизнью, без сомнения, благородно и необходимо; но делать это без всякой надежды на результат и только множить собой число утонувших – глупо и преступно.

Куда скрылись, воспользовавшись темнотой, уцелевшие немцы – было не понятно, и адмирал разделил свою потрепанную боем флотилию. Четыре менее всего поврежденных эсминца во главе с «Харди» он отправил обратно для прикрытия Нарвика, приказав идти на максимально возможных узлах. Двум кораблям, имевшим ход, но сильно поврежденное вооружение, приказал взять на буксир своих полностью обездвиженных собратьев и двигаться к берегу, когда рассветет – определиться со своим местонахождением и следовать в ближайший норвежский порт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.